

На правах рукописи



РУСИНОВА Ирина Ивановна

**ЛЕКСИКА КОЛДОВСТВА, ЗНАХАРСТВА
РУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
КАК ОСОБАЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ СФЕРА:
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Пермь 2022

Работа выполнена на кафедре теоретического и прикладного языкознания ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный консультант:

Полякова Елена Николаевна,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Официальные оппоненты:

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого»;

Кюршунова Ирина Алексеевна,

доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»;

Рут Мария Эдуардовна,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Защита диссертации состоится «05» октября 2022 г. в ___:___ на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

С. В. Шустова

Общая характеристика работы

Данная диссертация посвящена комплексному исследованию лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов как культурно значимой идеографической сферы и важной подсистемы русского языка.

Актуальность исследования

Многие исследования, посвященные анализу традиционной культуры, которые ведутся в научных центрах России, базируются в том числе на материале народной демонологии. Сегодня в этой области достигнуты значительные результаты: опубликованы полевые материалы по некоторым российским регионам, вышел ряд монографий, энциклопедических, этнодиалектных, этноидеографических словарей, защищены диссертации. Однако нет обобщающих работ, в которых системно анализировалась бы лексика, отражающая представления о специфических мифологических персонажах – людях со сверхъестественными свойствами, а также связанных с ними злых духах.

Многолетние экспедиции ученых, в том числе автора диссертации, в села и деревни Пермского края, публикации материалов по мифологии других регионов показывают устойчивую сохранность веры людей в колдовство, в силу народных целителей. Эта вера является культурной универсалией, что показано в работах исследователей, и активно отражается в языке. Наблюдения за языковым воплощением таких представлений очень востребованы в свете антропоцентрической парадигмы исследований и могут внести значительный вклад в развитие этнолингвистики.

Актуальность этнолингвистического рассмотрения лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов обусловлена тем, что этот малоизученный в данном ключе пласт лексики традиционной духовной культуры кодирует информацию о подстерегающей человека опасности, исходящей от разных демонов и людей со сверхъестественными свойствами, а идентификация такого рода явлений и правила взаимодействия с ними человека, несомненно, являются одной из важнейших составляющих национальной модели мира.

Актуальность настоящего исследования состоит также в том, что оно направлено на многоаспектную лингвистическую характеристику лексики колдовства, знахарства, отражающей представления носителей традиционной культуры об иррациональном, в данном случае – о людях со сверхъестественными свойствами и связанных с ними демонах, – как важного фрагмента русской народной языковой картины мира. До сих пор изучались лишь отдельные группы такой лексики, прежде всего в связи с конкретными исследовательскими задачами, в ряду других единиц мифологической сферы. Однако, будучи явлением особого рода, лексика колдовства, знахарства нуждается в собственном терминологическом определении, которое сегодня отсутствует (несмотря на длительность истории изучения русской мифологии и мифологической лексики), в комплексном рассмотрении ее как системы.

Объектом исследования в работе стали связанные со сферой колдовства, знахарства общерусские и диалектные лексические единицы, функционирующие в русских мифологических текстах о людях со сверхъестественными свойствами, а также отраженные в диалектных словарях.

Предметом исследования являются типологические, семантико-мотивационные, структурно-семантические и ареальные особенности таких единиц в их взаимосвязи и принципы лексикографического описания этой лексики.

Цель работы заключается в комплексной характеристике лексики, отражающей представления о людях со сверхъестественными свойствами и связанных с ними демонах в русских мифологических текстах, как культурно значимой идеографической сферы.

Задачи исследования:

1) выявить корпус лексических единиц идеографической сферы «Колдовство, знахарство», функционирующих в русских мифологических текстах; провести сбор диалектной и общенародной лексики и фразеологии этой сферы по диалектным словарям и словарям литературного русского языка, извлечь их из фольклорно-этнографических сборников, сборников русских мифологических текстов Пермского края и других территорий;

2) описать систему мифологических персонажей (людей со сверхъестественными свойствами и связанных с ними злых духов) Пермского края, а также обозначающую их лексику; выявить типологические особенности наименований персонажей;

3) представить структуру данной группы лексических единиц на основе идеографической классификации; произвести этнолингвистическую интерпретацию описываемого лексического множества; проанализировать роль отдельных тематических подгрупп этих единиц в мифологическом тексте;

4) охарактеризовать семантико-мотивационное своеобразие лексики колдовства, знахарства; выявить мотивационные модели, лежащие в основе образования единиц этой семантической группы; на базе выделенных мотивов номинации сделать выводы о специфике воплощения представлений о людях со сверхъестественными свойствами в русской народной языковой картине мира;

5) представить структурные (словообразовательные, синтаксические) модели лексических единиц изучаемой сферы; охарактеризовать устойчивые смысловые комплексы как один из типов лексических единиц мифологического текста;

6) описать закономерности ареального распределения названий людей со сверхъестественными свойствами на территории Пермского края; показать связи лексики колдовства, знахарства Верхнего и Среднего Прикамья с подобными единицами других регионов России;

7) рассмотреть историю отражения единиц изучаемой идеографической сферы в отечественных словарях разного типа; разработать способ лексикографического описания русской лексики колдовства, знахарства одной региональной традиции;

8) выработать терминологический аппарат, адекватный анализируемой лексике, сгруппированной на основе идеографического принципа.

Материалом исследования выступают только мифологические тексты, а не все тексты народной культуры, в которых присутствует лексика колдовства, знахарства. Такое ограничение материала связано с теоретическими установками автора диссертации. Тексты разных фольклорных или речевых жанров обладают спецификой не только на уровне структуры, композиции и содержания (сюжетов и мотивов), но и на уровне лексики, воплощающей это содержание. Именно поэтому для анализа взяты

такие материалы, которые являются однородными в жанровом плане. В то же время можно рассматривать в качестве источника лексики колдовства, знахарства не только собрания мифологических текстов, но и данные диалектных словарей, поскольку в ситуации бытового общения (а эта ситуация является главной для порождения диалектных текстов) в рассказах носителей диалектов часто содержатся сведения о демонологических явлениях.

Источники материала по Пермскому краю

1. Записи бесед с жителями сельских населенных пунктов Пермского края, сделанные во время диалектологических и фольклорных экспедиций студентами и преподавателями ПГНИУ (ПГУ) с 1980-х годов по 2021 год. Эти записи хранятся в двух архивах филологического факультета: фольклорном архиве при кафедре русской литературы и в архиве лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания. Используются также данные архива экспедиционных материалов Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

2. Данные фольклорно-этнографических сборников, описывающих традиционную культуру различных районов Пермского края: «Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» (1991), «Нытва: традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедагогу и краеведу. Сборник полевых фольклорно-этнолингвистических материалов» (2001), «Вишерская старина: сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района» (2002), «Деревня Монастырь на Каме-реке: сборник фольклорно-этнографических материалов» (2003), «Юрлинский край: Традиционная культура русских» (2003), «Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX вв.» (2004), «Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке» (2004), «Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв.» (2004), «Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» (2006), «“В каждой деревне чё-то да разное”: Из кунгурской семейной традиции (XX век)» (2007), «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования» (2008), «Юсьва – лебединая река. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре жителей Юсьвинского района» (2015). Авторами-составителями этих сборников являются пермские этнографы, лингвисты, фольклористы, музейные работники.

3. Материалы диалектных словарей и картотек словарей Пермского края. Были использованы как готовые словарные статьи, так и фрагменты текстов из иллюстративной части словарных статей и содержащих такую лексику, которая не вошла в качестве заголовочных слов в диалектные словари, поскольку она не является собственно диалектной. Вышло несколько разных по охвату территории региональных диалектных словарей Пермского края: «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)». Вып. 1–6 (1984–2011), «Словарь пермских говоров». Т. 1–2 (2000–2002), «Фразеологический словарь пермских говоров» (2002), «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (2006), «Словарь русских говоров севера Пермского края». Вып. 1. (2011), «Словарь русских

говоров Южного Прикамья». Т. 1–3 (2010–2012), которые стали серьезной лингвистической базой исследования. В работе использованы также данные картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящейся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ.

4. Данные монографий, выполненных на материале мифологических текстов Пермского края [Христофорова 2010; 2013; 2016].

5. Полевые записи авторов-составителей «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами» (2019) А. В. Черных, С. Ю. Королёвой и автора диссертации. Многие из этих материалов еще не вошли в архивы и не опубликованы, они были расшифрованы специально для словаря.

Источники материала по другим регионам России

6. Для сопоставления, уточнения границ тематических подгрупп, для проведения семантико-мотивационных и лингвогеографических исследований в качестве источников привлекались материалы сборников русских мифологических текстов разных территорий России: «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» (1987), «Мифологические рассказы и легенды Русского Севера» (1996), «Вятский фольклор. Мифология» (1996), «Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой» (2004), «Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья» (2007), «Былички и бывальщины Воронежского края» (2008), «Мифологические рассказы Архангельской области» (2009), «Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» (2009), «Народная демонология Полесья. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами» (2010), «Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере» (2013), «Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.» (2015).

7. Словари разных жанров, составленные в разное время и на языковом материале разных русских региональных традиций: «Словарь русских народных говоров», диалектные словари XIX века и современные диалектные словари, прежде всего говоров Русского Севера и соседних с Пермским краем регионов; этнодиалектные, этноидеографические, энциклопедические, мифологические, демонологические словари, а также словари русского литературного языка (начиная со «Словаря Академии Российской»).

8. Монографии, статьи, другие материалы коллег-лингвистов, фольклористов и этнографов.

Полные наименования всех источников указаны в библиографическом разделе диссертации: в списке источников материала, а также в списке литературы.

Степень достоверности результатов работы определяется, во-первых, достаточным объемом проанализированного материала. Общее количество рассмотренных в диссертации единиц идеографической сферы «Колдовство, знахарство», зафиксированных в русских мифологических текстах Пермского края, составило 4642, но, с учетом многозначности некоторых из них, в описании учтено около 6000 лексико-семантических вариантов. Кроме того, было изучено около 2000 подобных единиц, функционирующих в мифологических текстах других русских регионов. Во-вторых, достоверность результатов обеспечивается применением

совокупности методов и методик, соответствующих цели и объекту настоящего исследования. В-третьих, этому способствовала широкая опора на классические и современные лингвистические труды.

Подходы и методы исследования. Концептуальная особенность авторского подхода в настоящей диссертации – стремление к комплексному, системному изучению лексического материала с применением разнообразных методов и методик исследования. Применение этого подхода к русской лексике колдовства, знахарства подводит к необходимости использовать при анализе этнокультурного языкового материала мифологических текстов четыре основные группы методов исследования: структурно-семантические, этнолингвистические, лингвогеографические и лексикографические.

Традиционные *дескриптивные* методы и приемы применены при описании структурных (словообразовательных и синтаксических) особенностей анализируемой лексики. При изучении семантики единиц использованы методы компонентного и контекстного анализа. В работе нашли применение элементы фонетического анализа слов. При исследовании структуры рассматриваемой идеографической сферы использован метод идеографической систематизации лексики на основе понятийных связей.

Изучение лексики колдовства, знахарства как лингвокультурного явления потребовало обращения к теоретическим методам антропоцентрической направленности. В связи с этим ведущим методическим подходом, реализованным в работе, стал этнолингвистический. В его рамках изучается этнокультурная информация, содержание которой «определяется не столько объективным “фотографированием” действительности, сколько субъективно-наивным мировосприятием носителей традиции, имеющим этническую, социальную, культурную подоплеку» [Березович 2007: 9]. В первую очередь, мы опирались на два *этнолингвистических* метода, разработанных и описанных Е. Л. Березович, – метод этнолингвистической интерпретации семантических полей и методику семантико-мотивационного анализа.

В работе использованы *методики ареальной лингвистики*, направленные на изучение территориального распространения языковых явлений. Рассматривая языковые факты в этом аспекте, мы опирались на прием культурно-исторической интерпретации лексических фактов. Этот прием позволяет установить связи между фактами языка и истории соответствующего этноязыкового сообщества.

В седьмой главе диссертации реализован *лексикографический метод*. В работе доказана эффективность данного метода в исследовании русской лексики колдовства, знахарства. В диссертации указаны принципы отбора единиц для словаря, способы их лексикографического представления (алфавитный и идеографический), модели словарных описаний, структура словарной статьи и др. Данный метод реализован и на практике в составленном (в соавторстве с К. Э. Шумовым, А. В. Черных, С. Ю. Королёвой) и опубликованном «Этнодиалектном словаре мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами» (СПб.: Маматов, 2019. 832 с.).

Наряду с указанными методами в работе нашел применение *принцип моделирования* (при разработке траектории комплексного исследования, при анализе

структуры идеографической сферы, типологических структурных и мотивационных явлений).

Степень разработанности темы исследования

Комплексный характер данной диссертации предполагает опору на научные труды специалистов различных научных направлений. Кроме классических работ в области структурной лингвистики, теоретической основой диссертации стали труды антропоцентрической направленности, в первую очередь этнолингвистические. Прежде всего стоит отметить исследования Н. И. Толстого и С. М. Толстой, в которых постулируются и рассматриваются на конкретном материале разных славянских культур и языков основные положения этнолингвистики как особого научного направления [Толстая 2013; Толстой 1983, 1995а; 1995б; Толстой, Толстая 2010]. Результатом теоретических разработок и их практической реализации в области «широкой» этнолингвистики стал фундаментальный словарь «Славянские древности» в 5-ти томах, главной задачей которого была реконструкция славянской традиционной духовной культуры [СД]. В области славянской мифологии этнолингвистами решен ряд важнейших вопросов: установлены основные элементы мифологической системы, в качестве которых выделены мифологический персонаж и мифологическая функция [Левкиевская 2003, 2007]; определена структура мифологического персонажа [Виноградова и др. 1989; Виноградова 1998а; Виноградова, Левкиевская 1999; Виноградова 2000; Гура 1989; Левкиевская 2000]; произведена классификация мифологических персонажей на основе совокупности признаков, а не какой-либо одной характеристики (например, признака *добрый/злой*) [Виноградова 2000, 2016а], в том числе классификация и описание людей со сверхъестественными свойствами [НДП 1; Терновская 1984; Цивьян 2000]; изучено ареальное распределение персонажей, их признаков, функций по территории Славии на примере некоторых демонов [Левкиевская 2007]; сделано лексикографическое описание мифологических персонажей и лексики мифологических текстов отдельных региональных и локальных традиций [Левкиевская 2001а, 2001б, 2005]; охарактеризованы каналы, способы и средства магического воздействия [Валенцова 2018; Ясинская 2013, 2014, 2015] и др. Указанные труды легли в основу типологического описания системы мифологических персонажей Пермского края, которое представлено в настоящей диссертации, а также использовались при определении границ идеографической сферы «Колдовство, знахарство», при конструировании понятийной сетки, которая послужила основой для классификации лексических единиц, формирующих данную сферу, при выборе типов моделей словарного описания таких единиц.

Поскольку объектом данной работы выступают единицы естественного языка, постольку мы обращались к исследованиям, представляющим и «узкую» этнолингвистику¹. Это прежде всего работы Е. Л. Березович, возглавляющей (совместно с М. Э. Рут) Уральскую школу этимологии, ономастики, этнолингвистики², и ее коллег. Основы этого направления были заложены Е. Л. Березович еще в 1990-е годы, они отчетливо сформулированы в диссертациях и монографиях ученого

¹ «Узкая» этнолингвистика нацелена на выявление этноспецифичных элементов языковой семантики и изучение особенностей отражения тех или иных сторон народной культуры в естественном языке [Толстая 2006: 9]. Объектом такого исследования «считается язык в его отношении к культуре» [Толстая 2013: 67].

² Информацию о школе см. в: [Березович 2020].

[Березович 1992, 1998, 1999, 2000, 2007, 2009, 2010, 2014]: этнолингвистика изучает этнокультурную информацию – информацию о мире, которая закреплена в символической форме; содержание этой информации определяется субъективно-наивным мировосприятием носителя традиции; такая информация охватывает основные координаты модели мира (временные, пространственные, аксиологические и др.), но при этом очень избирательна; этнолингвистика работает с лексиконом народной традиции и опирается на крупные семантические объединения лексических единиц; важнейшая задача этнолингвистики – реконструкция традиционной языковой картины мира; для ее решения применяются специальные методы и процедуры семантического анализа.

Считается, что наиболее «объективированные» данные о языковом образе действительности могут быть получены путем изучения мотивации языковых единиц, поэтому главное место в этнолингвистических исследованиях отводится мотивационному анализу. Семантико-мотивационные исследования русской диалектной лексики разных тематических сфер с позиций Уральской школы производили О.В. Атрошенко, Е. О. Борисова, К. С. Верхотуров, М. А. Еремина, Е. Д. Казакова, Ю. А. Кривошапова, В. С. Кучко, Т. В. Леонтьева, К. В. Пьянкова, М. Э. Рут, Н. С. Сеница, О. Д. Сурикова, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина и др. При анализе структуры идеографической сферы «Колдовство, знахарство» русских мифологических текстов, при рассмотрении семантического своеобразия единиц этой группы был использован опыт названных исследователей.

В решении вопросов, связанных с выделением идеографической сферы «Колдовство, знахарство», определением ее структуры, иерархических отношений между семантическими объединениями внутри нее, были учтены научные достижения семантической, идеографической лексикографии – прежде всего работы, выполненные научными коллективами под руководством Н. Ю. Шведовой («Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» (2011), «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (1998–2015)) и Л. Г. Бабенко («Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» (2005), «Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты» (2007) и др.). При семантической характеристике лексических единиц мы опирались на некоторые принципы, изложенные в работах Ю. Д. Апресяна и его коллег [Апресян 1995, 2005, 2006, 2009].

Исключительный интерес для нас представляли работы, связанные с описанием некоторых групп лексики колдовства, знахарства, зафиксированных в мифологических текстах. В русистике таких исследований немного. Это, в частности, монография О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» [Черепанова 1983б] и некоторые ее статьи, посвященные обозначениям мифологических персонажей, в том числе и людей со сверхъестественными свойствами [Черепанова 1975, 2005б, 2005в, 2005г], диссертация Ю. А. Шкураток, посвященная генезису и семантике некоторых именных и глагольных единиц лексики колдовства, знахарства [Шкураток 2012].

Для решения вопросов лексикографического описания исследуемой лексики важными для нас стали выводы Н. Ю. Шведовой о необходимости при составлении словаря работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими

группировками, чтобы достичь однотипности толкования [Шведова 1981]. Опираясь на эту идею Н. Ю. Шведовой, при работе над «Этнодиалектным словарем мифологических рассказов Пермского края» автор настоящей диссертации составил модели толкования для нескольких десятков семантических подгрупп лексики колдовства, знахарства. При создании данного словаря был также учтен опыт коллег-лексикографов – диалектологов (составителей диалектных словарей XIX–XXI вв. разных территорий), лингвистов и этнолингвистов (О. В. Вострикова, Е. Е. Левкиевской, А. А. Плотниковой), этнографов и фольклористов (Н.В. Дранниковой, М. Г. Матлина, И. А. Морозова, В.А. Поздеева и др.), подававших в своих словарях некоторые лексические единицы изучаемой идеографической сферы.

Наконец, при ареальном описании изучаемой группы лексики и ее картографирования были использованы труды этнолингвистов и диалектологов, работающих в области лексической ареологии [Вендина 2009, 2014; Мызников 2003, 2004, 2007], а также в области лексического картографирования (труды коллектива «Лексического атласа русских народных говоров» и других ученых).

Перечисленные труды послужили теоретической базой разрабатываемых аспектов данной диссертации, в то же время результаты историографического обзора свидетельствуют о нерешенности многих вопросов, связанных с изучением лексики колдовства, знахарства: нет обобщающей характеристики этой лексики как особой идеографической сферы русского языка; она слабо исследована с точки зрения отражения в ней этнокультурной информации; не показано своеобразие региональных систем такой лексики; отсутствуют сопоставительные работы, посвященные этим единицам в разных локальных, региональных, этнических традициях; эта лексика не описана в ареальных исследованиях; отсутствуют специальные словари такой лексики.

Научная новизна настоящей работы заключается в следующих аспектах:

1. Впервые лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов стала предметом комплексного лингвистического анализа как особая идеографическая сфера.

2. В научный оборот введен новый лексический материал. Те лексические единицы, которые находятся в фокусе исследования, были записаны в разных районах Пермского края разными собирателями, в том числе и автором данной работы, который фиксировал и изучал этот материал на протяжении 35 лет.

3. Впервые на материале русских мифологических текстов произведен идеографический, семантико-мотивационный анализ лексики колдовства, знахарства, сделано ее лингвогеографическое распределение и описание.

4. Принципиальной новизной обладает предложенное в работе лексикографическое описание лексики колдовства, знахарства одной региональной традиции.

5. В научный оборот введены новые термины: «лексика идеографической сферы «Колдовство, знахарство»»; «устойчивый смысловой комплекс»; «лингвистический этнодиалектный словарь»; они позволяют адекватно охарактеризовать анализируемый материал, отражающий фрагмент мифологических представлений носителей русской традиционной культуры.

Теоретическая значимость диссертации видится в следующем:

1. На материале русских мифологических текстов теоретически обосновано понятие «лексика идеографической сферы “Колдовство, знахарство”», определены границы и структура этой сферы.

2. Разработана модель комплексного анализа лексики данной идеографической сферы, которая может быть применена при изучении лексики, отражающей мифологические традиции иных территорий, а также лексики других сфер.

3. Выявлено семантическое и мотивационное своеобразие лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов как важной лексической подсистемы русского языка. Принципы семантического структурирования и мотивационной интерпретации ее единиц, примененные к региональному материалу Пермского края и представленные в работе, могут быть использованы при изучении лексических систем других регионов, а также к данной группе лексики русского языка в целом.

4. В диссертации представлены разработанные автором принципы лингвистического «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами»: теоретическое обоснование типа словаря, правила отбора единиц; идеографическая классификация лексического материала; характеристика макро- и микроструктуры словаря; модели лексикографического описания единиц разных тематических подгрупп; принципы отбора и расположения в словарной статье иллюстративного материала.

5. Решен вопрос о речевом/языковом/фразеологическом статусе ряда сочетаний мифологической тематики (типа *тяжёлый человек; посадить килу; привязать к оглобле*), крайне актуальный для современной диалектной лексикологии и лексикографии.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования и полученных результатов в вузовских курсах и спецкурсах по диалектологии, этнолингвистике, лексикографии, лексикологии, ономастике, а также в практике составления толковых и фразеологических словарей русской диалектной лексики, региональных лингвистических атласов, в том числе атласа Пермского края. Материалы диссертации использованы в лингвистическом «Этнодиалектном словаре мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами», подготовленном диссертантом в соавторстве с А. В. Черных, К. Э. Шумовым и С. Ю. Королёвой (Санкт-Петербург: издательство «Маматов», 2019. 832 с.).

Апробация работы

Основные положения исследования были изложены автором в докладах на следующих конференциях: Международной научной конференции «Филология на рубеже XX–XXI веков» (Пермь, 1996), Межрегиональной научно-практической конференции «Национальная культура и язык народов Прикамья: возрождение и развитие» (Пермь, 1997), Международном научном совещании «Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни» (Пермь, 1998), научной конференции «Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России» (Пермь, 1999), Межвузовской научной конференции «Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста» (Соликамск, 2000, 2002, 2010), Международной научной конференции «Филология на рубеже тысячелетий» (Ростов-на-Дону, 2000),

Международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» (Варшава, 2006), Всероссийской научной конференции «Письменная культура народов России» (Омск, 2008), Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009, 2012, 2015, 2018), Международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» (Гранада, 2010), Международной научной конференции «Славянская диалектная лексикография» (Санкт-Петербург, 2011), Международной научной конференции “*Slowa, slowa, slowa w komunikacji jezykowej III*” (Гданьск, 2011), Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2010; Тула, 2018), Конгрессе этнографов и антропологов России (Ижевск, 2017; Петрозаводск, 2011; Томск, 2020), Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление» (Екатеринбург, 2008, 2010), Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке» (Пермь, 2014–2020), Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 1998–2022), Международной научной конференции «Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира» (Архангельск, 2013), Международной научной конференции «Россия в диалоге культур. Литература. Язык. Фольклор. Идеи» (Торунь, 2013), Международной научной конференции «Демонология как семиотическая система» (Москва, 2016, 2018), Международной научной конференции «Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования» (Пермь, 2017), Всероссийских научных чтениях «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артёмовны Криничной» (Петрозаводск, 2020), Всероссийской научно-практической конференции «Свое-чужое: опыт культурного взаимодействия» (Строгановские чтения – XVI) (Усолье, Пермь, 2020), Международной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир» (Пермь, 2018; Москва, 2021; Белгород, 2022), Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Филология в пространстве гуманитарно-педагогических исследований: традиции и перспективы» (Пермь, 2021), Международном симпозиуме «Лексикография цифровой эпохи» (Томск, 2021), Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, 2006, 2021), Социально-культурном форуме «Грибушинские чтения. Кунгурский диалог» (Кунгур, 2021).

Содержание работы отражено в 60 публикациях, одна из которых – словарь объемом 71,3 п. л. (доля участия – 58 п. л.), 22 – статьи в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов является важной подсистемой русского языка и обнаруживает в своих значениях и системных связях наивные представления о людях со сверхъестественными свойствами. Эти представления обладают высокой значимостью для носителей русской традиционной культуры, что проявляется в процессах вербализации: а) признаков и действий, позволяющих идентифицировать таких людей и связанных с ними злых духов как источник опасности; б) правил взаимодействия с данными персонажами и процессов

нейтрализации вредоносного магического воздействия для восстановления утраченного равновесия в окружающем мире; в) нарушений физического и психического здоровья, которое воспринимается в традиционном обществе как основа биологического выживания человека; г) необходимости соблюдения человеком меры в выражении эмоций, в использовании других средств ментального и иного воздействия на людей и их блага. В мифологических текстах отражается «принцип солидарности с жизнью», реализуемый в системе лексики, детально описывающей признаки опасного, распознавание которого помогает защитить человека от потери здоровья и гибели.

2. Исследуемая группа лексических единиц отражает представления, относящиеся к одной тематической области традиционной русской мифологии, и обладает рядом концептуальных признаков, обеспечивающих особый статус такой лексики: *тематическим единством* включаемой лексики и достаточной *четкостью границ* группы, которые детерминируются общностью функций лексических единиц, обслуживающих магические практики в сообществе носителей традиционной культуры, и наличием интегрального признака – обозначения мифологических представлений о воздействии на кого-, что-либо иррациональными средствами; *типологическим единством* номинативных единиц и конструкций, которое обеспечивается однотипностью признаков изучаемых персонажей мифологических текстов; *системностью*, обнаруживаемой через парадигматические отношения лексических единиц: полисемию, синонимию, омонимию, антонимию, паронимию, гиперо- и гипонимию; *семантическим и грамматическим своеобразием*, которое проявляется в наличии регулярных семантико-мотивационных и структурных моделей; *вариативностью единиц при устойчивости смысла*, что наиболее отчетливо прослеживается в особом типе единиц мифологических текстов (устойчивых смысловых комплексах), а также в ареальном распределении лексики.

3. Вследствие своей концептуальной специфики лексика колдовства, знахарства нуждается в специальных методиках ее изучения. При ее анализе целесообразно следовать разработанной автором модели описания, которая учитывает следующие аспекты: типологический, идеографический, семантико-мотивационный, структурный, ареальный, лексикографический. Особенность данной модели заключается в возможности распространения ее на лексику других идеографических сфер, связанных с мифологическими представлениями носителей традиционной культуры. Основные принципы авторской методологии реализованы в новом типе лексикографического продукта – лингвистическом этнодиалектном словаре.

4. Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов может быть описана как идеографическая сфера, которая имеет четкую структуру, детерминированную соответствующими обрядовыми и бытовыми ситуациями: она включает как обязательные (субъекты, объекты, атрибуты, признаки, результаты, процессы), так и факультативные лексические подгруппы (собственные имена демонов, цветные и прочие характеристики их облика, названия конкретных средств магического воздействия и пр.). Элементом, организующим идеографическую сферу, выступает субъект действия. В мифологических текстах это люди со сверхъестественными свойствами и связанные с ними духи. Лексическая наполненность / лакунированность, разный объем секторов, симметричность / асимметричность

логически однотипных участков, особенности детализации основных смыслов идеографической сферы определяются степенью важности того или иного представления о людях со сверхъестественными свойствами, ролью этих представлений в картине мира носителей традиционной культуры.

5. Русская лексика колдовства, знахарства отличается разнообразием закрепленных в ее внутренней форме значений. Наиболее продуктивными мотивационными сферами являются следующие: «Человек», «Материальная и духовная культура», «Действия». В тематико-мотивационной группе «Человек» особой активностью обладает лексика интеллектуальной сферы, которая используется для вербализации главного отличия колдуна, знахаря от обычного человека, – обладания сакральным знанием, и лексика говорения, с помощью которой манифестируется главный инструмент магического воздействия – слово. Продуктивными в мотивационном плане оказываются глаголы восприятия и эмоциональных проявлений, подчеркивающие важность нефизического взаимодействия людей в бытовой и обрядовой жизни. В тематико-мотивационной группе «Материальная и духовная культура» самыми значимыми являются демонимы, используемые для вербализации связи колдуна с нечистой силой, и названия хозяйственных предметов, создающие языковой образ болезней, вызванных колдовством. В тематико-мотивационной группе «Действия» наиболее востребованными оказываются глаголы движения, указывающие на направления магического воздействия.

6. Представления о людях со сверхъестественными свойствами в русских мифологических текстах передаются с помощью слов различной частеречной принадлежности, а также посредством сочетаний различной структуры и степени устойчивости. Специфическими лексическими единицами русских мифологических текстов выступают *устойчивые смысловые комплексы*. Эти сочетания строятся по определенным синтаксическим моделям и обладают устойчивостью смысла при широком лексическом варьировании компонентов. Такие единицы имеют специфический статус и не могут называться языковыми в полной мере, чаще всего в мифологических рассказах они демонстрируют текстовую сочетаемость. Однако наиболее частотные из них приобретают узуальный характер и поэтому осознаются некоторыми составителями диалектных словарей как устойчивые сочетания.

7. Географическая дистрибуция лексики колдовства, знахарства связана с историко-культурным освоением русскими той или иной территории. Распределение такой лексики в Пермском крае свидетельствует об этапах и направлении миграционных волн. Закреплению и сохранению описываемой группы лексики в том или ином регионе способствует также соседство русских с представителями других народов. «Счастлиное» географическое расположение Пермского края на пересечении культурных традиций Русского Севера и Поволжья, европейских и азиатских влияний, в зоне контактов с финно-угорскими и тюркскими народами, а также мощное влияние старообрядцев на язык и культуру региона сказались на богатстве и разнообразии лексики колдовства, знахарства, ее сохранении и ареальном распределении.

8. Итогом комплексного изучения лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов служит лингвистический этнодиалектный словарь. Такой жанр словарного произведения позволяет отразить все богатство единиц данной сферы,

с помощью специфически устроенной словарной статьи показать многозначность единиц, их системные отношения, деривационные связи. Идеографическая часть словаря демонстрирует структуру лексической сферы, степень заполненности ее секторов, алфавитная часть помогает быстро найти необходимую единицу.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка сокращений, библиографического раздела, включающего список источников материала и список литературы. Выделение и расположение глав диссертации отражает логику исследования заявленного объекта изучения. В качестве приложения в состав работы включены список условных сокращений названий районов Пермского края и «Идеографический указатель» «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами» (СПб., 2019).

Основное содержание работы

Во **введении** описаны объект, предмет, цель, задачи, материал исследования и его источники, указаны степень разработанности темы диссертации и методы научного анализа, охарактеризованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: характеристика, аспекты исследования, модель описания» носит теоретический характер. В ней изучаемая лексика представлена и охарактеризована как особая идеографическая сфера, важная в этнокультурном и языковом плане; сформулированы проблемы, которые стоят перед исследователем этой лексики, рассмотрены аспекты и методы ее научного анализа, введены необходимые термины.

Раздел 1.1 посвящен обзору научных трудов, в которых рассматривались восточнославянские и русские демонологические воззрения и русская демонологическая лексика. В нем также описана история сбора и изучения мифологических текстов и лексики, связанной с представлениями о колдовстве, знахарстве, в Пермском крае.

В разделе 1.2 проанализированы термины, которые используются в научной литературе для обозначения лексических единиц, называющих элементы традиционной культуры, в том числе связанные с мифологическими представлениями (от максимально широких – *лексика традиционной культуры, этнокультурная лексика, лексика обрядов и верований* – до более узких – *мифологическая терминология, мифологическая лексика, лексика народной магии, магическая лексика*), сделан вывод о том, что эти термины не отвечают требуемому объему понятий «Колдовство, знахарство», поэтому предложены и обоснованы иные термины для данного исследования – *лексика колдовства, знахарства; лексика идеографической сферы «Колдовство, знахарство»*.

В разделе 1.3 произведена характеристика идеографической сферы «Колдовство, знахарство» русских мифологических текстов. Данная сфера представляет собой лексическое множество, выделенное на понятийной основе. Смысловой базой для этой сферы выступают понятия «колдовство», «знахарство». Причина выбора в качестве имени идеографической сферы не одного, а двух слов, заключается в том, что в русской традиционной культуре колдовство и знахарство как поле деятельности магических специалистов не имеет четкого деления на участки, в каждом из которых действует

только один персонаж (или ряд персонажей). Кроме того, нет четкой границы и между самими персонажами. Еще одним важным критерием выделения данного пласта лексики является прагматический: лексические единицы идеографической сферы «Колдовство, знахарство» обозначают общий для них набор элементов обрядовой (магической) ситуации: субъект, объект, действие, его орудия, результат, место и время.

Выявлен ряд признаков, организующих идеографическую сферу «Колдовство, знахарство» русских мифологических текстов. Признак *системности* играет структурообразующую роль. Идеографическая сфера «Колдовство, знахарство» состоит из лексико-семантических подмножеств, выделение и описание которых является одной из задач диссертации. Эти семантические подмножества находятся между собой в разных отношениях, но подчиняются принципам структурной упорядоченности и иерархичности. Следующий важный признак системной организации идеографической сферы «Колдовство, знахарство» – *пересекаемость*, – обусловлен наличием в ней многозначных слов и сочетаний. Наконец, еще одним существенным признаком изучаемой сферы можно назвать *вариативность*. Для каждой семантической группы выделяются базовые идентификаторы, выражающие главную семантическую идею. Более конкретные подгруппы имеют дифференциальные семантические признаки, варьирующие эту основную идею группы.

Отмечено, что понятийная сетка любой идеографической сферы, в том числе и представленной в диссертации, обусловлена не только категоризацией мира, но и субъективным видением этих категорий, что обуславливает набор и взаиморасположение семантических множеств, составляющих сферу. В работе представлен один из возможных вариантов структуры такого лексического объединения.

В разделе 1.4. представлена модель комплексного лингвистического описания лексики идеографической сферы «Колдовство, знахарство» русских мифологических текстов, описаны набор и последовательность аспектов, их роль в анализе изучаемой группы лексических единиц.

В разделе 1.5 охарактеризован типологический аспект, заключающийся в построении классификации персонажей, обозначения которых составляют основной участок семантической сферы «Колдовство, знахарство». Поскольку такая типология определяется традицией в ее локальных, региональных, национальных вариантах, классификация была сделана с опорой на одну региональную мифологическую традицию, богато представленную в лексике.

В разделе 1.6 рассмотрен идеографический аспект описания лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов, который позволяет определить структуру сферы, соотношение единиц, входящих в разные семантические классы, симметрию / асимметрию логически однотипных участков сферы, системные отношения между ее элементами и т.п.

Семантико-мотивационный аспект описания лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов, представленный **в разделе 1.7**, позволяет соотнести лексические обозначения людей со сверхъестественными свойствами, их действий, названий сакрального знания с несколькими абстрактными и конкретными идеями; обнаружить закономерности семантических переходов, затрагивающих целые ряды лексем с синонимичными значениями.

Структурный аспект описания рассматриваемой лексики, представленный в разделе 1.8, направлен на поиск устойчивых словообразовательных и синтаксических моделей лексических единиц, функционирующих в мифологических текстах и отражающих типичные значения, характерные для сферы колдовства, знахарства.

Ареальный аспект, рассмотренный в разделе 1.9, имеет своей целью установление ареалов и закономерностей распространения анализируемых лексических единиц в рамках одного региона, определение связей этих единиц с соответствующими единицами смежных или генетически родственных русских территорий.

Предложенный в разделе 1.10 лексикографический аспект позволяет подвести своеобразный итог всего исследования и отразить его результаты в принципах, способах и моделях словарного описания лексических единиц семантической сферы «Колдовство, знахарство».

Глава 2 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: типологический аспект» посвящена реконструкции той мифологической системы, которая отражена в быличках и поверьях о людях со сверхъестественными свойствами, и построению типологии персонажей-людей и связанных с ними демонов.

В разделе 2.1 «Типология мифологических персонажей – людей со сверхъестественными свойствами (по данным русских мифологических текстов Пермского края)» представлены две категории мифологических персонажей-людей.

1) В пермской мифологии реконструируется несколько *общих групп магических специалистов*: парные персонажи *колдун/колдунья* с приблизительно равными функциями; парные персонажи *знахарь/знахарка*, также имеющие одинаковые функции; непарный женский персонаж *вещица* со специфическими функциями. Каждый из них обладает целым рядом особых признаков, позволяющих отличить их друг от друга. *Колдун/колдунья* и *знахарь/знахарка* не могут быть обозначены как исключительно вредоносный и «доброносный» персонажные типы, их в значительной степени характеризует амбивалентность. *Вещица* на их фоне выступает абсолютно злокозненным персонажем: она причиняет вред, особенно беременным женщинам, самкам животных, мужчинам в репродуктивном возрасте. Не являются отдельными персонажами *знающий/знающая*, поскольку владение сакральным знанием – их главный признак – выступает интегральным для всей группы людей со сверхъестественными свойствами. Особое место в мифологической системе занимают специалисты, использующие в качестве основного средства магики-медицинских практик вербальные тексты (*словник/словница, шептун/шептунья*).

2) Кроме того, в русской мифологической системе Пермского края выделяется еще несколько *типов персонажей-людей, представляющих социальные группы жителей деревни*, которые на основании разных признаков относятся к категории «не своих», «чужих». Это люди, владеющие некрестьянскими профессиями (*коновал, кузнец, лесник, мельник, пастух, священник* и т. п.); люди иной этнической (*коми-пермяк, татарка, удмурт* и т. п.), конфессиональной (*кержак*), территориальной (*нездешний, приезжий*) принадлежности, чем авторы мифологических текстов; люди, имеющие особенности внешности (*черноглазые, рыжеволосые, веснушчатые* и т. п.) и физические аномалии (*горбатые, хромые, однорукие, косоглазые* и т. п.), пожилые люди (*бабушка, дед, старик, старушка* и т. п.) как хранители традиционного знания,

маргиналы (*нищие*). Интегральным для всех этих персонажей-людей признаком является их непохожесть на большинство членов деревенского сообщества.

В разделе 2.2 «Типология мифологических персонажей – демонов, связанных с колдуном (по данным русских мифологических текстов Пермского края)» рассмотрены три основные группы демонов. *В первую* входят персонажи, связанные с колдуном. По ряду признаков (одиночность/множественность, звуковые, кинетические, цветовые характеристики, мифологические мотивы и т. п.) можно выделить духов-«помощников», духов-«агентов» и «вселяющихся» духов (или духов болезни). Демоны двух последних видов имеют слабую функциональную и номинативную дифференциацию, которая преодолевается за счет использования лингвистического признака: названия разных духов сочетаются с разными группами лексики. Названия духов-«помощников» колдуна включаются в сочетания типа *знать бесей, знаясь с бесями, перенять чертей* и т. п.; номинации духа-«агента» входят в сочетания с глаголами, выражающими семантику перемещения в пространстве: *подать бесёнка, отправлять бесей* и т. п.; а названия духа болезни сочетаются с глаголами, обозначающими различного рода воздействия человека на этого духа с целью избавления от него жертвы: *выгнать чёртика, закрыть беса, снять чертей* и т. п. *Вторую группу* образуют персонажи, участвующие в учебе колдуна и способные принимать разный облик, вступать во взаимодействие с неопитом разными способами. *В третью группу* входят различные демоны, обычно духи природных локусов, с которыми *знается* колдун, то есть получает от них знания и магическую помощь.

Глава 3 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: идеографический аспект» посвящена определению границ данной лексической группы, построению идеографической классификации лексики изучаемой сферы и этнолингвистической интерпретации этой лексики.

В разделе 3.1 «Идеографическая классификация лексики колдовства, знахарства (по данным мифологических текстов Пермского края)» представлена структура идеографической сферы «Колдовство, знахарство». При ее моделировании мы опирались на схему описания мифологического персонажа, предложенную московскими этнолингвистами.

Единицей классификации элементов идеографической сферы «Колдовство, знахарство» является лексико-семантический вариант, потому что значительная часть слов, и даже сочетаний слов, функционирующих в мифологических текстах, относится к разряду полисемантов. Если лексическая единица имеет несколько значений, ее различные значения попадают, соответственно, в разные семантические участки сферы.

Лексические единицы, составляющие идеографическую сферу «Колдовство, знахарство», имеют разный статус. Часть из них носит языковой, узуальный характер (такие названия персонажа, его действий и т.п. используются регулярно), часть единиц (это в основном сочетания) имеет речевой, окказиональный характер (персонаж, его действие и т. п. обозначаются ими разово). Однако провести четкую границу между единицами двух названных групп довольно сложно, потому что повторяемость единиц может придавать им «узуальности», которая реализуется только в рамках мифологической коммуникации и обычно не достигает даже уровня диалектной нормы.

Идеографическая классификация лексических единиц сферы «Колдовство, знахарство» включает несколько рубрик – понятийных полей:

- «*Субъекты магического действия*»,
- «*Объекты магического воздействия*»,
- «*Каналы, способы, средства магического воздействия*»,
- «*Результаты вредоносного воздействия*»,
- «*Место совершения магических действий*»,
- «*Характер магических действий*».

Каждое выделенное понятийное поле предполагает дальнейшее деление на отдельные смысловые участки, куда входят различные подгруппы лексических единиц. Например, первая семантическая группа «*Люди со сверхъестественными свойствами*» раздела 1 «Субъекты магического действия» включает единицы, обозначающие:

- людей со сверхъестественными свойствами,
- знания, умения, способности людей со сверхъестественными свойствами,
- характеристики людей со сверхъестественными свойствами,
- эмоции, чувства людей со сверхъестественными свойствами,
- действия, поведение, состояния людей со сверхъестественными свойствами.

На следующем уровне идеографической классификации можно увидеть дальнейшее смысловое деление лексики. Например, в семантической подгруппе «*Действия, поведение, состояния людей со сверхъестественными свойствами*» выделяются единицы, имеющие следующие значения:

- обладание магическими знаниями, умениями,
- приобретение магических знаний и умений,
- передача магических знаний и умений,
- действия людей со сверхъестественными свойствами.

В разделе 3.2 произведен этнолингвистический анализ идеографической сферы «Колдовство, знахарство», который позволил установить, что различные участки идеографической сферы имеют неравный объем. Например, для обозначения человека со сверхъестественными свойствами, который применяет свои знания и умения во вред людям, используется в 5 раз больше единиц, чем для обозначения такого человека, который помогает людям.

В процессе этнолингвистического анализа семантического блока «Люди со сверхъестественными свойствами», произведенного в разделах 3.2.1 и 3.2.2, выяснено, что номинативная деятельность человека направлена прежде всего на создание единиц, покрывающих участок семантической сферы, связанный с нарушением здоровья. Особенно широко в мифологических текстах представлена глагольная лексика, обозначающая вызывание болезней. Чаще всего в качестве болезней, вызываемых колдовством, указываются «икота» (57 %) и «кила» (15 %), хотя в мифологических текстах лексически маркированными являются практически все виды расстройства здоровья: внешние (болезни кожи, опухоли, нарывы), внутренние (прежде всего болезни сердца), суставов и позвоночника, психические. Лакунированным на этом фоне выглядит сектор причинения колдовством повреждений костей и связок (переломов, вывихов, растяжений), а также мягких тканей. Соотношение единиц см. на диаграмме 1.

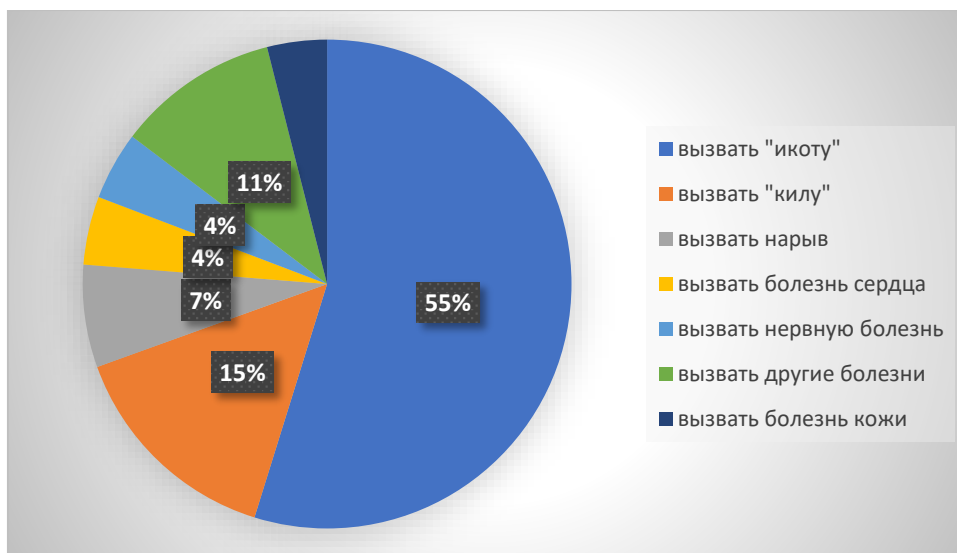


Диаграмма 1. Соотношение единиц, обозначающих вызывание колдовством, сглазом разных болезней

Таким образом, в традиционной картине мира здоровью человека, прежде всего физическому, придается огромное значение, а его нарушение в мифологических текстах объясняется сверхъестественными причинами, главная из которых – действия колдунов. Наиболее загадочные для крестьянина болезни, а также процессы их вызывания и лечения оказываются наиболее номинативно маркированными в данном семантическом разделе. Кроме нарушения и восстановления здоровья, значимыми оказываются следующие семантические участки: придание колдуном людям облика животных; причинение вреда скоту; действия, связанные с любовной магией и некоторые другие.

По сравнению с литературным языком, в диалектном языке и мифологических текстах список лексических единиц, представляющих детализацию значения ‘человек, занимающийся колдовством – использованием магических приемов, с помощью которых можно воздействовать на людей и природу’ существенно шире. Семантическая дифференциация названий человека со сверхъестественными свойствами связана со «специализацией» его действий или с теми инструментами, которые он использует. Данные признаки находят отражение во внутренней форме этих номинаций: ‘тот, кто причиняет магический вред – «портит»’ (*портун, портунья*), ‘тот, кто колдовством вызывает любовное чувство’ (*приворотень, присушка, присушник*), ‘тот, кто причиняет магический вред злой шуткой’ (*сгальник, сгальница*), ‘тот, кто вызывает болезнь «икоту»’ (*икота, икотник, икотница*), ‘тот, кто вызывает болезнь «килу»’ (*кил, киловяз, киловязка*), ‘тот, кто воздействует на объект «говорением»’ (*бормотушка, заговоруха, заговоририк, заговорищица, каляка, словарка, словница, словищица, словесник, словник, шепотунья, шептарь, шептун, шептунья, шептуха*), ‘тот, кто воздействует на объект с помощью нечистой силы’ (*бесистый, бесястый, бесистый человек; чертист, черчист, чертистый*). В других региональных традициях обнаружены и иные единицы: ‘тот, кто вызывает болезнь «хомут»’ (*хомутник, хомутница*) (Вост. Сибирь), ‘тот, кто «изводит» колдовством’ (*изводчица*), ‘тот, кто вызывает болезнь ломоту’ (*ломотник*) (Рус. Север), ‘та, которая уводит урожай с поля, состригая или выжиная колосья’ (*стрига, пережинаха*) (Нижегород.) и др.

Если к охарактеризованному лексическому материалу добавить еще обозначения человека со сверхъестественными свойствами на основании социальных характеристик (старые люди, иноверцы, инородцы, приезжие, представители некрестьянских профессий, маргиналы, люди, имеющие особенности внешности, обладающие отрицательными чертами характера), то количество семантических признаков, определяющих колдуна, знахаря, существенно возрастет.

Такую детализацию смыслов в диалектном языке и мифологических текстах можно объяснить, во-первых, актуальностью магических представлений в сознании носителей традиции (магическая составляющая является существенной частью всех обрядов жизненного цикла человека, календарных обрядов, бытового поведения), во-вторых, стремлением номинатора обозначить в языковом портрете человека со сверхъестественными свойствами максимум черт, которые могут служить в качестве опознавательных.

Разделы 3.2.3 и 3.2.4 посвящены этнолингвистической характеристике семантического раздела «Злые духи, связанные с колдуном». При обращении к этому семантическому блоку идеографической сферы «Колдовство, знахарство» обнаруживается неравносность соответствующих участков лексической системы. Это отмечается, например, для названий персонажей. Наибольший объем в выделенном семантическом секторе (40 %) принадлежит обозначениям духов, которые по воле колдуна вселяются в человека и вызывают у него болезнь «икоту»: *бесёнок, брат, враг, второй (сущ.), душок, живулька, икот, икота, икотка, кидка, лукавый (сущ.), нечистый (сущ.), порча, пошибка, хитка, чёртик* и т. п. Это самый «наблюдаемый» обычными людьми демон: человек может воспринять органами чувств его проявления, например, услышать звуки, которые он издает; услышать речь, произносимую от имени этого духа; увидеть его, когда он исторгнут из организма жертвы. Но самая важная причина заключается в том, что это единственный демон, который взаимодействует с профаном, представители остальных видов нечистой силы (за исключением духов-помощников колдуна в некоторых ситуациях) в основном коммуницируют только с колдуном, находясь исключительно в закрытом от обычных людей сакральном пространстве. Кроме того, «икота» – это болезнь, возникновение которой объясняется в крестьянской среде иррациональными причинами намного чаще, чем другие болезни. Пытаясь объяснить причины такого расстройства здоровья, мифологическое сознание «находит» агента, якобы вызывающего такую болезнь, и очеловечивает его (даже дает ему имя) или наделяет другими признаками живого существа, которые отражаются во внутренней форме лексических единиц.

Вторая по значимости (27 %) группа демонимов – названия злых духов – помощников колдуна: *биси, братья, бусеньки, икотки, кулешата, кутьки, маленькие, пистюки, помощники, товарищи, чертёнки* и т. п. Обоснование важности этой группы единиц можно найти в современных научных теориях, описывающих феномен колдовства. Исследователи отмечают, что вера в колдовство в определенном смысле является переосмыслением идеи личного влияния, характерной для малых социумов. В рассказах о колдовстве она описывается как магическая сила или метафорически отчуждается от человека в виде разнообразных существ. Сознание носителей традиционной культуры, носящее конкретный характер, придает им различный облик, приписывает звуковое поведение, находит локус (в основном в нежилых частях

крестьянской усадьбы). Все эти характеристики духов выделяют их на фоне обычных животных и предметов, позволяя профану идентифицировать персонажей и «узнать» по связи с этими «существами» колдуна в своих односельчанах.

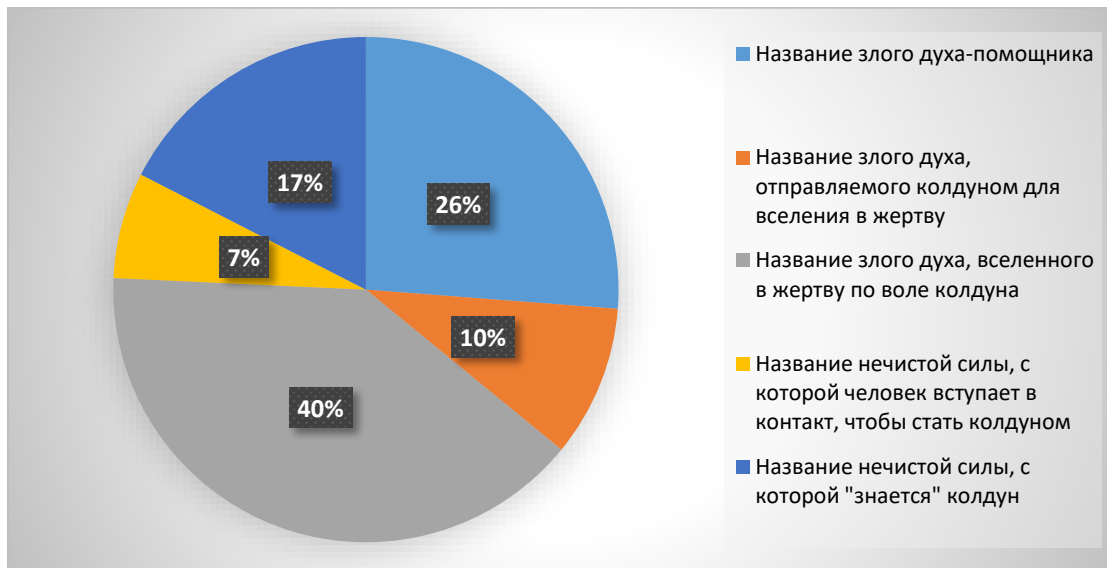


Диаграмма 2. Соотношение названий разных злых духов, связанных с колдуном

Еще один параметр, по которому можно сравнить участки данного семантического раздела, – это отражение в лексических единицах, обозначающих духов, подвластных колдуну (а также их характеристики, действия), некоторых персонажеобразующих признаков: цветовых, звуковых, кинетических. Например, признак цвета обнаруживается в основном в единицах, описывающих духов-«помощников», когда они приобретают облик различных живых существ, обычно птиц. И именно в том случае, когда эти демоны принимают зооморфный вид, они производят звуки и совершают движения, характерные для того или иного животного: *А [колдунья] помирала когда, то по огороду вот такие малюсенькие-малюсеньке **цыплятки** бегали. Их дочь хватала. Там и **красные**, и **жёлтые**, **зелёные** – всякие бегали. Поймала, и она (т. е. колдунья) померла* (Вильва Сол.) [ЭСМРПК 1:701]. Дух-«агент» проявляет только одну способность – перемещаться от колдуна к жертве: *Колдунам бесей нужно расталкивать. Даже **по ветру бесей отправляют**. А кто им попадись навстречу* (Перино Караг.) [там же: 59]. А дух болезни обнаруживает способность не только к звуковому, но и к речевому поведению: *Ну вот этот же **бесёнок**, как его называют, бесёнок ли, **чертёнок** ли хто ли. По-городскому называют его **икота**. Он сидит там... И начинает он **розговаривать**. И всё **расскажет** про тебя он* (Ныроби Черд.) [там же: 154]. Цветовые признаки обнаруживаются в лексических единицах этой подгруппы очень редко – только в том случае, когда демон исторгнут из тела жертвы: *Когда человек умирает, **икотка вылетает** из него **серой бабочкой*** (Асюл Бард.) [там же: 52]. Такой дух проявляет и способность к движению в пределах человеческого тела: *[А как Вы отличаете – вот просто голова болит, а тут вот «**пошибка**»?] Ну, она беспокоит ведь: то **кинется** в руку, то в ногу, то в голову...* (Вер.) [там же: 294].

Звуковое поведение духов-«помощников» не является ведущим признаком: молчит он или производит звуки – не очень важно для его идентификации. Персонажеобразующими для него выступают внешние и количественные характеристики: облик (как правило, это совокупность однородных существ, реже – предметов), множественность, цветовые признаки облика, место обитания и т. п.

Для духа болезни звуковое и речевое поведение является тем признаком, который позволяет людям, во-первых, диагностировать у человека болезнь «икоту», во-вторых, дифференцировать духа и его жертву, в-третьих, выразить свое эмоциональное отношение к явлению кликушества. Именно поэтому в мифологических текстах происходит подробная семантическая дифференциация тех звуков, которые издает дух, а также особенностей голоса, которые проявляются в речи этого демона.

Духу приписываются и другие звуки, значительная часть которых – голоса следующих животных: петуха (*говорить петухом, заорать по-петушиному, запеть петухом, запеть по-петушиному, кукарекать, кукурекать, кукурекать, петь петухами, петь по-петушиному*), собаки (*выть, гавкать, залаять, залаять по-собачьи, затыкать, лаять, лаять по-собачьи, лаять собакой, разговаривать по-собачьи*), кошки (*мяукать, разговаривать по-кошачьи*), лошади (*заржать по-жеребячьи, ржать по-лошадиному*), курицы (*кудахтать*), коровы (*мычать*).

В перечне животных оказались только те, которые окружают человека в пределах его усадьбы. Наибольшее число обозначений звуковых проявлений духа болезни восходит к названиям звуков, производимых петухом и собакой. С одной стороны, данное положение вполне объяснимо с точки зрения логики: это самые «голосистые» животные на крестьянском дворе. С другой стороны, петух и собака лидируют в приведенном списке в силу культурной маркированности данных животных.

Наличие перечисленных признаков у рассмотренных персонажей отражено в таблице, знак «+», заключенный в скобки, обозначает слабое проявление признака.

Таблица 1

Отражение цветовых, звуковых, кинетических признаков в лексических единицах семантического раздела «Злые духи, связанные с колдуном»

	Цветовой признак	Звуковое поведение	Речевое поведение	Способность к движению
Дух-помощник	+	+	–	+
Дух-агент	–	–	–	+
Дух болезни	(+)	+	+	(+)

В разделе 3.3 «Периферийные семантические группы идеографической сферы «Колдовство, знахарство»» показано, что специфика данной идеографической сферы заключается в объединении разнородных семантических множеств, которые описывают обрядовую (магическую) ситуацию. Особенно ярко это прослеживается в семантике тех лексических групп, которые напрямую не называют субъекты и их действия.

Одной из таких групп являются демононимы – собственные имена демонов, вызывающих болезни. Употребление демононимов определяется закономерностями, обусловленными особым статусом духов болезни в теле жертвы. Так, например, в силу слабой функциональной разработанности стиля общения демона и жертвы

практически одинаково востребованы полные и производные формы собственных имен. При этом преобладают именованья, содержащие сему 'очень маленький' и отвечающие представлениям о размерах такого духа. С помощью особого имени демон идентифицируется и противопоставляется жертве, в тело которой он вселен колдуном, или дифференцируется с другим духом, «сожительствовавшим» с ним. Демононимы дейктивны: они фактически выступают в функции заместителя прямого названия демона. Имена собственные – средство антропоморфизации, персонификации и индивидуализации демонов. В конечном итоге главная функция собственных имен – «легализующая». Они «узаконивают» существование духов болезни в человеке и проявляются через более частные функции, которые выполняют антропонимы.

Значимой лексической группой в составе идеографической сферы «Колдовство, знахарство» являются колоративы. Они участвуют в образовании составных наименований человека со сверхъестественными свойствами и его внешних признаков, источников колдовских знаний. Это общая для всей славянской мифологической лексики тенденция. Но существует специфичная для Пермского края группа единиц, обозначающих цветовые характеристики тех существ, облик которых принимают духи – помощники колдуна. Пестроцветность коллективного облика таких духов в пермских мифологических рассказах служит маркером демонического и позволяет причислить данных мифических существ к сфере потустороннего, враждебного человеку.

Еще одна периферийная семантическая группа в структуре изучаемой идеографической сферы – названия камней, используемых в магиико-медицинских практиках; самым частотным обозначением таких камней выступает сочетание *громовая стрела*. «Каменная» семантика этого номинативного сочетания сложилась в результате метонимического переноса названия с атмосферного явления (молнии) на предмет, в который молния ударила (камень). Мифологизация грозы, грома, молнии обеспечила осмысление камня *громовая стрела* как обладающего сверхъестественными свойствами. Высокий семиотический статус «громовых» камней поддерживается их связью с небом, которое осознается как часть мироздания, соотносимая с Богом.

В главе 4 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: семантико-мотивационный аспект» описано мотивационное своеобразие единиц изучаемой идеографической сферы. Многие из них являются семантическими дериватами, пришедшими из иных тематических сфер, т. е. это слова, большей частью общерусские, употребляемые в специфических – мифологических – значениях при описании магических практик. Отчасти это связано с закрытостью сферы мифологии и магии, с ее табуированностью, поэтому многие единицы, в том числе называющие мифологических персонажей, а также действия людей со сверхъестественными свойствами, семантически производны и образуются по определенным мотивационным моделям. Такие семантические переходы являются закономерными, они затрагивают образования не одного конкретного корня, а, как правило, наблюдаются в ряде слов, имеющих корни с близким исходным (как в синхронном, так и в этимологическом плане) значением.

Процессы семантических переходов охватывают несколько групп глаголов, имеющих разный объем «мифологического» значения и вписанных одна в другую на основе гиперо-гипонимических отношений:

Общие магические действия

Знать → колдовать

Делать → колдовать

Говорить → колдовать

Общие вредоносные магические действия

Портить → причинять вред колдовством

Хитрить, обманывать → причинять вред колдовством

Смеяться → причинять вред колдовством

Играть → причинять вред колдовством

Частные вредоносные магические действия

Вызывать любовное влечение колдовством

Крутить (вить) → вызывать любовное влечение колдовством

(О)кружать → вызывать любовное влечение колдовством

Морозить → вызывать любовное влечение колдовством

(При)сушивать → вызывать любовное влечение колдовством

(При)лечивать → вызывать любовное влечение колдовством

Вызывать болезнь колдовством

(На)пускать → вызывать болезнь колдовством

Насылать → вызывать болезнь колдовством

(На)ложить → вызвать болезнь колдовством

Садить → вызывать болезнь колдовством

Дарить → вызывать болезнь колдовством

Приводить к смерти колдовством

(С)ъесть → привести к смерти колдовством

(Ис)сушить → привести к смерти колдовством

Частные «доброносные» магические действия

Лечить болезни при помощи магических средств

Снимать → лечить болезни при помощи магических средств

Чертить → лечить болезни при помощи магических средств

В главе проанализированы только те единицы, которые в мифологических текстах имеют общее ('колдовать') и частное значение ('причинять вред колдовством').

В разделе 4.1 «Семантико-мотивационное своеобразие глагольной лексики колдовства, знахарства» рассмотрены закономерные семантические переходы на основе общерусских или диалектных значений глагольных единиц.

Активной в мотивационном плане является лексика, обозначающая действия человека социального: его интеллектуальную деятельность (*ведать, знать, понимать* и т. п.), речевую деятельность (*баять, бормотать, говорить, лоп(о)тать, роп(о)тать, шептать* и т. п.), трудовую деятельность (*делать, ковать, ладить, робить*), действия, связанные с социальными отношениями (*мухлевать, хитрить* и т. п.), производством громких звуков и выражением сильных эмоций (*галиться, гиганиться, грать, дековаться, смеяться, тешииться, хохотать, шутить* и т. п.), игровую деятельность, развлечения (*баловаться, блажить, блудить, играть, озоровать, шалить*). Абстрактная лексика (интеллектуальной деятельности, говорения) используется как для обозначения общих действий людей со сверхъестественными свойствами, приобретая значение 'колдовать', так и для обозначения более конкретных действий, получая значение

‘причинять вред колдовством’, ‘нейтрализовать вред, причиненный колдовством’. Лексика более конкретная (обозначающая трудовую деятельность, действия, связанные с проявлением эмоций, производством громких звуков, игровой активностью) служит для обозначения функционально специфических магических действий – вызывания любовного влечения, причинения жертве вреда здоровью или смерти.

Существенной особенностью абстрактной – с точки зрения литературного языка – глагольной лексики (*знать, говорить* и т. п.), используемой в мифологических текстах, является наличие у нее более конкретной, прагматической семантики, выражающей направленность на достижение определенного результата: *знать* в рассказах о колдовстве – это не столько ‘обладать сакральными знаниями’, сколько ‘уметь применять эти знания на практике’, т.е. ‘уметь делать’; *говорить* – это не просто ‘произносить сакральные тексты’, а ‘применять их для лечения, причинения вреда и т. п.’.

Семантико-мотивационное своеобразие именной лексики колдовства, знахарства, показанное в разделе 4.2, заключается в том, что ее мотивация отражает несколько абстрактных и конкретных идей. Колдуны, знахари осмысляются как люди, владеющие тайными знаниями (*ведуница, ведьмак, ведьма, ведьмарь, вештица, вещица, грамотный человек, знатка, знаткая (сущ.), знающий человек, знатный (сущ.), знаток, знатун, знаха, знахарица, знахарь, учёный (сущ.)* и т. п.); они осуществляют в магических обрядах непонятные профанам манипуляции (*ладящий (сущ.)*); главным средством их магического воздействия считается слово (*говоририк, заговоруха, заговоририк, наговорица, каляка, словарка, словница, словица, словесник, словник, шепотунья, шептальничек, шептарь, шептунья, шептуха* и т. п.); такие люди чаще связаны с миром нечистой силы (*бесист, бесистая (сущ.), бесистый (сущ.), бесистый человек, бесованник, бесястый (сущ.), чертист, чертистка, чертистый (сущ.), чертистый человек, чертознай, чертознайка, чертятник, чертяшница* и т. п.), обладают общими с нею способностями (*обворотень, оборонник*), противопоставлены Богу и миру христианской общины (*враговерка, враговик, вражина, еретик, еретник, еретника, еретница, ерекник, ерекница* и т. п.) и в этом случае оцениваются негативно (*зловредный человек, злой (сущ.), недобрый (сущ.), недобрый человек, нехороший человек, плохой человек* и т. п.), реже они имеют отношение к Богу (*божественный знахарь, богомольная старуха*) и поэтому оцениваются позитивно (*доброжелатель, добрый человек*); их деятельность часто приводит к нарушению здоровья человека (*икотник, икотница, кил, киловязка, килун, портун, портуниха, портёжник, хомутник, хомутница* и т. п.), что на мотивационном уровне маркируется названиями болезней, которые можно вызвать или излечить с помощью магии: *икота, кила, порча, хомут* и др.

В основе номинаций тайного знания лежат представления о нем как о совокупности тайных сведений (*грамота, знатьё, учение* и т. п.), которые ритуальный специалист черпает в сакральных текстах (*заговор, заклинания, запуки, молитвы, наговор, поговорка, припуки, слова, сказка* и т. п.) либо получает от нечистой силы (*бесы, маленькие* и т. п.) и применяет в своей *работе*, требующей умения и врожденных или приобретенных *способностей*. Такое знание имеет материальную природу, его получают или передают в виде *слов, чертей, силы*.

Мотивационный анализ устойчивых сочетаний, обозначающих вызывание боли колдовством (*привязать к оглобле, одеть котомку, напустить овод, посадить кошку*),

показал, что при формировании фразеологической семантики этих единиц важны признаки функционирования реалии, ее внешнего вида и локуса. Именно они обеспечивают передачу разных видов болевых ощущений, испытываемых человеком. Образное основание для сравнения, переноса наименования реалии на тип боли номинатор находит среди знакомых ему и широко используемых в хозяйстве предметов (*оглобля, коромысло, хомут, сумка, котомка*), распространенных насекомых (*оса, овод*) взаимодействующих с человеком и могущих причинить ему боль животных (*кошка*). В сочетании *посадить кикимору* народное сознание осмысляет абстрактный признак *злой* (как персонажеобразующий для нечистой силы) как более конкретный *острый*, связывая характер боли с результатом действия режущих, колющих предметов.

В главе 5 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: структурный аспект» рассмотрены структурные типы единиц, обладающих постоянством синтаксических моделей и семантики. Предложен термин для обозначения таких единиц, определен их номинативный статус и роль в мифологическом тексте.

Структурное разнообразие лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов продемонстрировано в разделе 5.1. Оно обусловлено природой мифологических, то есть фольклорных, текстов. При стабильности транслируемых такими лексическими единицами смыслов наблюдается большое количество их структурных типов, а также широкое лексическое и синтаксическое варьирование их компонентов. Сочетания, обозначающие колдуна, знахаря, обычно состоят из опорного существительного и согласованного с ним прилагательного (причастия), выражающего отношение обычных людей к магическим специалистам или их оценку (*добрый человек/злой человек*). Сочетания, обозначающие действия человека со сверхъестественными свойствами, могут быть двух- и многокомпонентными. Двухкомпонентные единицы чаще всего строятся по модели «глагол + сущ. в вин. п.» (*бросить килу, посадить икоту* и под.). Осложняясь другими словами, они могут стать многокомпонентными (*пускать по ветру, пустить болезнь на ветер*). Особое положение в мифологических текстах занимают сочетания, закрепившиеся в языковой системе как фразеологизмы. Это преимущественно единицы, номинирующие процесс вызывания боли, болезни колдовством: *надеть коромысло, наложить хомут, посадить сумку, положить щеть* и под.

В разделе 5.2. проанализированы **продуктивные словообразовательные модели**, их функционирование в мифологических текстах. Анализ словообразовательных особенностей единиц привел к выводу о реализации в исследуемой лексике специфичных моделей, также транслирующих культурно маркированные смыслы. В частности, в глаголах с приставками *о-/об-*, отражающих идею сглаза, часто содержатся семы, указывающие на чрезмерную силу эмоций. Материал представлен единицами, образованными от междометий *ой, ах, ох*, глаголов, обозначающих громкие звуки, громкую речь, мыслительную и зрительную деятельность (*обойкать, обхохотать, окаркать, обдумать, обизорить* и т. п.), и, по сути, является вербальным выражением традиционных предписаний: человек должен знать меру во всем, в том числе в выражении эмоций, в использовании других средств ментального и иного воздействия на людей и их блага. Соотношение мотивов,

получивших выражение в изучаемой семантической модели, говорит о том, что главным каналом сверхъестественного воздействия на человека выступает вербальный, затем зрительный и потом все остальные. Кроме того, само наличие таких мотивов говорит о важности в традиционной культуре, в обрядовой и бытовой деятельности нефизических способов взаимодействия людей.

В текстах о любовной магии широко представлены модели с приставками *при-/от-* (*прилечить/отлечить, приморозить/отморозить, присушить/отсушить, приворотить*). Мотивационная семантика корней в подобных единицах чаще всего выражает две идеи: динамическую (движение к объекту любви / движение от него; движение вокруг объекта любви или объекта вокруг себя) и статическую (контакт с объектом любви).

В разделе 5.3 представлены продуктивные синтаксические модели лексических единиц идеографической сферы «Колдовство, знахарство». Для определения специфики и статуса ряда сочетаний, имеющих в мифологическом тексте, был введен термин *устойчивый смысловой комплекс*. Этот термин позволил решить одну из сложнейших проблем диалектной лексикографии, где подобные регулярные образования трактуются по-разному: как свободные сочетания, как устойчивые сочетания, как фразеологизмы. *Устойчивый смысловой комплекс* является принадлежностью мифологических текстов, обеспечивая их стереотипность, формульность. Как правило, такие единицы не имеют языкового статуса и представляют собой совокупность свободных сочетаний с общей устойчивой семантикой, однако некоторые из них могут обладать и постоянством формы, что приводит к восприятию таких единиц как узуальных, а не окказиональных.

Такие единицы имеют разную структуру. Можно выделить несколько их основных морфолого-синтаксических типов: именные (одно- и двухкомпонентные) и глагольные (двух- и многокомпонентные). Первые обозначают человека со сверхъестественными свойствами, демонов, болезни, вызванные колдовством, разные средства магического воздействия, вторые – действия персонажей, в первую очередь – человека.

Двухкомпонентные УСК с опорным существительным: 1) *нехороший (вредный, ехидный, зловредный, злой, злостный, недобрый, непростой, нечистый, опасный, суковатый, плохой, поганый, тяжелый, хитрый, шаткий) человек* ‘человек, обладающий магическими знаниями и умениями и применяющий их для причинения вреда’; 2) *хороший (добрый) человек* ‘человек, обладающий магическими знаниями и умениями и применяющий их для лечения, нейтрализации вреда, вызванного колдовством’.

В данных УСК варьируется определение, а именной компонент постоянен, в них выражается отношение обычных людей к колдунам, знахарям и оценка деятельности этих магических специалистов. Среди таких сочетаний довольно трудно обнаружить доминанту синонимического ряда, которая может служить своеобразным «ярлыком» УСК и представлять единицу в словарях. Как правило, таким «ярлыком» выступают частотные сочетания, употребляющиеся в разных текстах и способные передавать значение УСК наиболее точно.

Двухкомпонентные УСК, включающие одно знаменательное слово: 1) *на добро (лечение, хорошее)* ‘о направленной на лечение, оказание другой помощи людям

деятельности человека, обладающего магическими знаниями и умениями’, *на гадость* (*говно, зло, пакость, плохое*) ‘о направленной на причинение вреда, вызывание болезней деятельности колдуна’; 2) *со (с) славой* (*начинкой, намерением, поговоркой*), *от чёрта* ‘о человеке, обладающем магическими знаниями и умениями и применяющем их’.

Это описательные предложно-падежные сочетания характеризующей семантики. В диалектных словарях такие единицы не подаются, поэтому мы самостоятельно определили их значение, исходя из контекстов. Употребление данных лексических единиц диктуется потребностью говорящих уточнить направленность деятельности человека со сверхъестественными свойствами, который, обладая некоторыми знаниями и возможностями, отсутствующими у обычных людей, может использовать их с любыми целями. Употребление таких сочетаний обусловлено стремлением маркировать опасность тех, кто может причинить магический вред здоровью человека, его благополучию.

Двухкомпонентные УСК с опорным глаголом, построенные по модели «глагол + сущ. в вин. п. без предл.» состоят из слов двух синонимических рядов: единицы одного ряда называют одно и то же магическое действие, слова другого ряда – аналогичные результаты магического воздействия (средства и т. п.), то есть синонимы каждого ряда обозначают одно понятие. Например, УСК *за/на/по)садить* (*бросить, вселять, вязать, навести, наводить, нагнать, нагонять, (на/с)делать, надеть, накладывать, наложить, нанести, наносить, напускать, напустить, насаживать, наслать, насылать, одеть, оставить, (пере)давать, передать, подарить, положить, посылать, привязать, (с)пускать, пустить, сажать, содейть, сунуть*) *болезнь* (*боль, вреда, гостинцы, даровку, заразу, немочь, нехорошее, порчу, тягость, тяготу, уроки, хворость, хворь, хитку, хомут, хомутец, щепоту*) имеет значение ‘колдовством вызывать / вызвать болезнь’.

В синонимическом ряду глаголов, как правило, выделяется доминанта. Это слово наиболее точно выражает содержание действия, при этом оно нейтрально, не имеет дополнительных оттенков значений, коннотаций, не выражает оценок. Еще одним показателем «доминантности» слова выступает его частотность, повторяемость. Эти два признака связаны между собой. Среди глагольных контекстуальных синонимов («контекстных партнеров») приведенного УСК доминантой является глагол *садить* и его дериваты, среди именных – существительное *болезнь*.

УСК – это семантико-синтаксическая модель, наполнение которой зависит от полноты сбора лексического и текстового материала и от его географии. Например, если исследовать территории за границами Пермского края, то УСК с тем или иным конкретным значением будет иметь больше компонентов.

Что касается именного компонента, то его вариативность ниже. Например, для выражения значения ‘колдовством вызывать / вызвать опухоль, нарыв, грыжу и т. п.’ используется УСК *за/на/по/при)садить* (*бросать, воткнуть, вставлять, вязать, делать, наводить, наладить, напускать, наслать, насылать, повесить, (по)ставить, приботать, привязать, привязывать, присобачить, притобарить, пустить, сажать, сделать*) *килу* (*грыжу, хомутец, шишку, икоту, камень, мясо*). В данной формуле доминантой тоже выступает глагол *садить* и его приставочные производные, среди существительных – наиболее частотное слово *кила*.

Есть и такие двухкомпонентные глагольные УСК, в которых глагольный компонент варьируется, а именной постоянен. Эти формулы обычно называют причиненные колдуном болезни, которые упоминаются в мифологических текстах реже, чем *икота*, *кила*, *хомут*. В качестве примера можно привести УСК *положить (посадить) щеть* ‘колдовством вызвать геморрой’; *посадить (садить) резачку* ‘колдовством вызывать / вызвать острую режущую боль’.

Единицы, построенные по такой синтаксической модели (глагол. + сущ. в вин. п. без предл.) и обозначающие вызывание различных болезней, фиксируются во всех изученных нами сборниках мифологических текстов: *навести / напускать / насадить / наслать / передавать / посадить / садить / спустить икоту*; *наводить / посадить килу, садить килья*; *наслать / спустить порчу*; *посадить рожистое* (Арх.) [МРАО]; *запускать / запустить / посадить / спускать / спустить икоту (икотку)* (Усть-Цилем. р-н Респ. Коми) [ФСРГНП 1: 291]; *вязать / навязать / насадить / привязать / привязывать / посадить килу (сучье вымя)* [там же: 344]; *привесить / садить килу*; *навести / напустить болезнь*; *нагнать / навести / нанести / наслать порчу*; *напустить сухоту*; *надеть хомут (хомутец)* (Свердл.) [ЭСРГСО 5]; *напустить / наслать / насылать болезнь*; *напускать / пустить витренку*; *напускать / посадить / посылать / припустить / пускать / пустить / садить / сажать / сделать килу*; *навести / наводить / нагнать / напустить / наслать / насылать / пустить / сделать порчу*; *наслать сглаз*; *надевать хомут* (Нижегород.) [МРПНП]. Это означает, что данные УСК носят универсальный характер и являются константой русской мифо-ритуальной традиции.

Составные глагольные единицы имеют разную структуру и обозначают различные действия колдуна, знахаря. Можно обнаружить интересную закономерность: одна и та же идея может быть выражена сочетаниями, построенными по разным синтаксическим моделям: *знать добро – знать на добро, знать на доброе; знать хорошее – знать на хорошее* ‘обладать магическими знаниями и умениями и применять их для лечения и оказания другой помощи людям’; *знать худо, знать по худому – знать на худо, знать к худу* ‘обладать магическими знаниями и умениями и применять их для причинения вреда, вызывания болезней’. Такие сочетания формируют ряды синтаксических вариантов. Как видно из примера, ряды содержат как двухкомпонентные, так и трехкомпонентные единицы.

К трехкомпонентные УСК с опорным глаголом часто относятся такие, в которых зависимое существительное присоединяется к глаголу с помощью предлога: *выпускать (колдовать, напускать, напустить, насылать, отпускать, отпустить, передать, посадить, послать, пускать, пустить, сделать) по ветру* ‘осуществить / осуществлять магическое действие вне помещения, на ветру или иным способом, оказывая вредоносное воздействие на жертву на расстоянии’.

Четырехкомпонентные УСК с опорным глаголом. Если в формулу, представленную выше, добавить еще один именной компонент, обозначающий средство или цель (результат) вредоносного действия, то получится четырехкомпонентный УСК: *делать худое (отпускать напасти, пускать колдовство, пустить болезнь, сеять зло) (на ветер, по ветру)*. Значение таких единиц аналогично значению трехкомпонентных УСК, описанных выше.

Зафиксированы в мифологических текстах **глагольные УСК, включающие более четырех компонентов.** В качестве примера можно привести ряд синтаксических вариантов, включающих шесть и более компонентов: *знать и на плохое, и на хорошее; знать и на хорошее, и на плохое; знать на то и на другое, знать по ту и эту сторону* ‘обладать магическими знаниями, умениями и применять их как для причинения вреда, так и для лечения болезней, нейтрализации вреда, причиненного колдовством’.

В главе 6 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: ареальный аспект» представлено несколько лексических и лексико-словообразовательных карт, показывающих распространение названий человека со сверхъестественными свойствами на территории Пермского края; установлены связи этой лексики с соответствующими номинациями, зафиксированными на других русских территориях; показана общность семантико-синтаксических моделей лексических единиц, обозначающих оборотничество, для широкого русского ареала.

Раздел 6.1 «Лингвогеографическое изучение славянской лексики» содержит сведения о картографировании отечественными диалектологами общерусской и диалектной лексики, в том числе связанной с традиционной духовной культурой.

Раздел 6.2 «Картографирование терминов народной культуры (по лексическим данным Пермского края)» посвящен первым опытам картографирования такого лексического материала. Книги А. В. Черных серии «Русский народный календарь в Прикамье» содержат несколько карт, которые показывают распространение на территории Пермского края тех или иных явлений, терминов, обрядовых практик, связанных с народным календарем. В первую часть, посвященную событиям весны, лета и осени, включены две карты: одна из них показывает географию названий обрядов завершения жатвы [Черных 2006: 294], другая – виды жатвенной бороды [там же: 299]. Во второй части, описывающей зимние праздники и обряды, представлено несколько карт: карта названий рождественского обрядового печенья, названий святочных духов и др. Из лексических карт наибольший интерес представляет карта распространения терминов ряженя [Черных 2007: вклейка].

В диссертационном исследовании М. А. Грановой представлены карты зафиксированных в мифологических текстах Пермского края названий нескольких духов локусов (лешего, русалки, домового и банника) и комментарии к картам [Гранова 2022: 110–142].

Раздел 6.3 «Наименования человека со сверхъестественными свойствами на карте Пермского края» посвящен ареальному исследованию русских наименований мифологических персонажей-людей и содержит несколько карт (лексических, лексико-словообразовательных), показывающих территории распространения таких названий в Пермском крае.

В мифологических текстах и говорах Пермского края для обозначения человека со сверхъестественными свойствами используется несколько основных корней: бес-, вед-, векш-, вещь-/вещт-, волх-/вол(о)ш-, ворож-, вред-, гипноз-, глаз-, говор-, грамот-, ед-, ерек-/ерет-, зл-, икот-, кил-, колд-/холд-, лек-/леч-, мухл-, (не)чист-, порт-, слов-, уроч-/урош-, хит(р)-, чар-, черн-, черт-, чуд-, шепт-. От них по разным словообразовательным моделям образуются однословные и неоднословные единицы: *бесист, бесястый (сущ.), ведунья, ведущий человек, векшица, вештица, вещьелица, вешица, волошебник, волхитка, ворожейка, ворожец, вредный человек, вредун, гипнозист, глазливый (сущ.), заговоруха, заговорщик, грамотный (сущ.), грамотный человек, изъедуга, людоед, ерекник, ерекница, еретик, зловредный человек, злой (сущ.), знатка, знающий человек, знахар, знахарица, знающий (сущ.), икотка, икотник, икотница, киловяз, киловязка, колдунья, колдуха, лекарищица, лекарь, мухлушка, нечистый человек, нечисть, портун, портуниха, портунья, словница, словесник, урочливый человек, урошливый (сущ.), хитка, хитрый человек, холдовитый (сущ.), чародей, чернобай, чернобайка, чернокнижник, чернокнижница, чертистая (сущ.), чертистый человек, чудотворка, шептарь, шептун, шептунья* и мн. др.

Можно отметить следующие закономерности ареального распределения лексем, называющих человека со сверхъестественными свойствами в русских говорах и мифологических текстах Пермского края. Единицы, образованные от общерусских корней и совпадающие с названиями такого человека в литературном языке, не образуют ареалов (это слова с корнями *вед-, зна-, колд-/холд-*), они фиксируются почти во всех районах исследованного региона. Не дают ареалов и номинации с корнями *ерек-/ерет-*. По данным «Словаря русских народных говоров», в значении 'колдун' они используются в широкой диалектной зоне: на Русском Севере, в Поволжье, в Предуралье, на Урале.

Ареалы на территории края образуют такие единицы, которые не имеют соответствий в литературном языке. Наибольший интерес представляет географическое распределение названий колдуна / колдуньи, ведьмы, образованных от корней *бес-, черт-, кил-, икот-, порт-, векш-, вещь-/вешт-*, которые имеют довольно четкую локализацию.

Номинации, образованные от корней *бес-* и *черт-*, формируют два четко противопоставленных ареала – северо-восточный и южный. Единицы с корнем *бес-* (*бес, бесист, бесистая (сущ.), бесистый человек, бесистый (сущ.), бесястый человек, бесястый (сущ.)*) бытуют только в северной части региона и обнаруживают связи с русскими говорами Республики Коми (Усть-Цилемский район). Единицы с корнем *черт-* представлены и на севере (*чертист, чертистая (сущ.), чертистый человек, чертистый (сущ.), чертистка, черчист*), и на юге края (*чертознай, чертызнай, чертошай*), но образованы они по разным словообразовательным моделям. Единицы, похожие на южнопермские, обнаружены в материалах Свердловской области. Единицы с корнем *черт-*, называющие колдуна, а также ведьму, находим и в мифологических текстах Нижегородского Поволжья. Но они имеют отличные от пермских суффиксы.

Названия человека со сверхъестественными свойствами, образованными от корня *икот-* (*икота, икотка, икотник, икотница, икотный*), названия кликушества (*икота, икотка*) концентрируются в основном в Юрлинском и Гайнском районах. Общим для

единиц двух групп является тяготение к северо-западной и западной частям края, откуда шла севернорусская колонизация региона, о чем свидетельствуют материалы, привлеченные для сравнения. Сохранению терминов способствует несколько обстоятельств, одно из главных – нахождение русских-юрлинцев в окружении коми-пермяков, у которых представление о кликушестве бытует в живой традиции.

Номинации «знающих» с корнем *кил-* (*кил, килун, киловяз, киловязка*) не очень четко локализованы и поддерживаются севернорусскими, уральскими и нижегородскими материалами, что говорит о сходстве магико-ритуальных традиций. Это связано с тем, что в формировании русского населения юга Пермского края принимали участие не только выходцы с Русского Севера, но и с Поволжья, в том числе и Нижегородского.

Названия с корнем *порт-* (*портун, портуниха, портунья*) составляют компактный ареал на западе Пермского края и имеют параллели в говорах и мифологических текстах северной и северо-западной частей России, а также в материалах Нижегородского Поволжья.

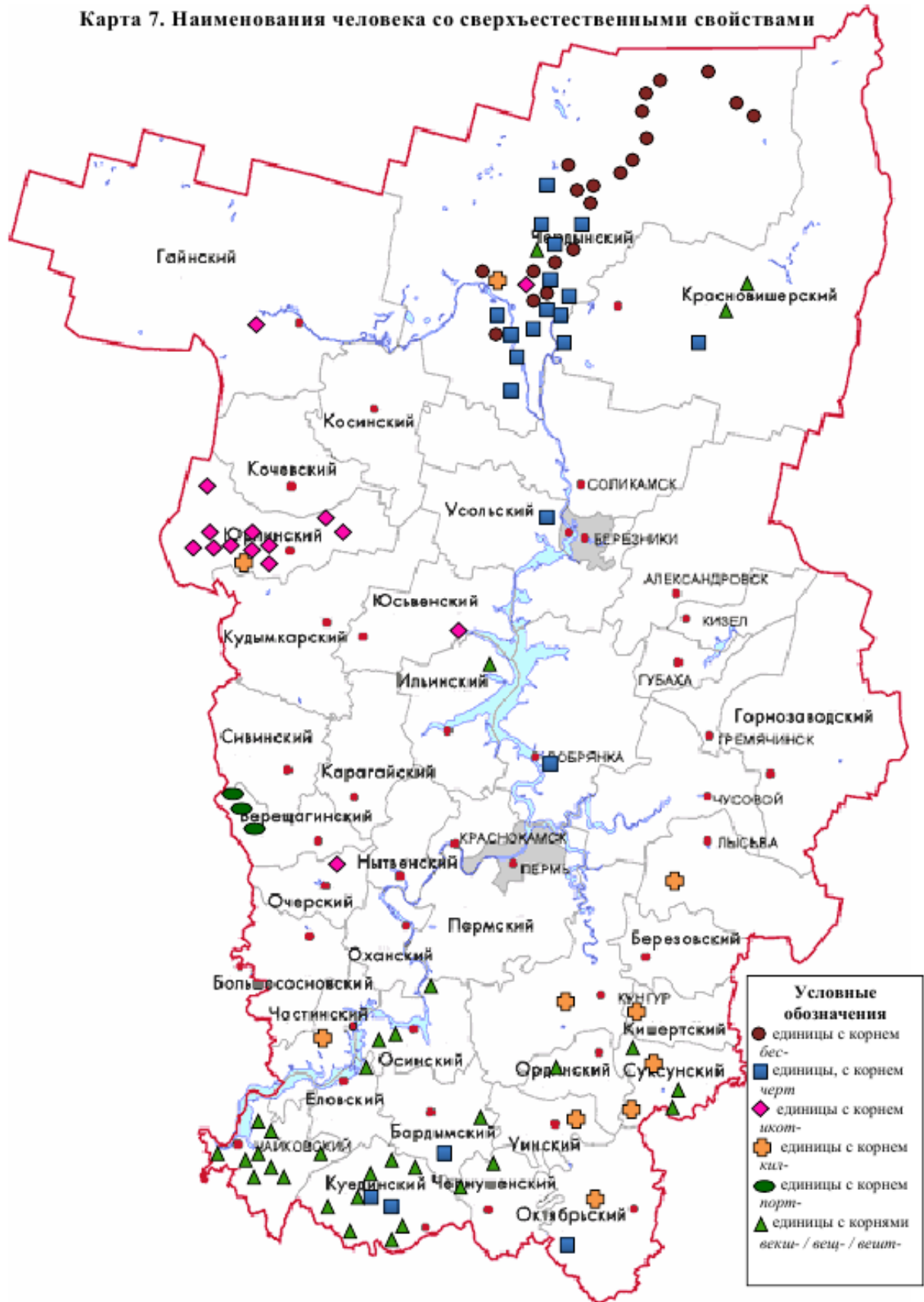
Анализ употребления терминов *векша, векишица, вещица, вещьлица* в русских мифологических текстах показывает связь пермской традиции с традициями Поволжья, Предуралья, Урала и Восточного Забайкалья. Возможно, в недавнем прошлом ареал употребления данных номинаций был шире. Кроме того, отсутствуют лексические данные и мифологические тексты по многим регионам, расположенным между Средним Прикамьем и Забайкальским краем. Сохранению представлений о вещицах и их номинаций в перечисленных регионах способствовала культурная периферийность, пограничность этих русских территорий.

Таким образом, северные и западные ареалы пермских номинаций колдуна, знахаря, ведьмы с корнями *бес-, черт-, икот-, кил-, порт-* поддерживаются прежде всего севернорусскими, вятскими, уральскими и нижегородскими материалами и говорят о единстве или, по крайней мере, сходстве магико-ритуальных традиций. Южный ареал бытования названий мифологических персонажей-людей с корнями *век(о)ш-, вещь-/вешт-* обнаруживает иные географические соответствия – с территориями Среднего Прикамья, Урала, Сибири и Забайкалья.

В целом распределение лексики колдовства, знахарства связано с историко-культурным освоением русскими той или иной территории. Ареалы бытования такой лексики в Пермском крае отражают этапы и направления миграционных волн. Закреплению и сохранению в том или ином регионе описываемой группы лексики способствует также соседство русских с представителями других народов. Географическое положение Пермского края на пересечении культурных традиций Русского Севера и Поволжья, европейских и азиатских влияний, в зоне контактов с финно-угорскими и тюркскими народами, мощное движение старообрядцев обусловили богатство и разнообразие этнокультурной лексики, в частности лексики колдовства, знахарства, а также обеспечили ее консервацию.

Общую картину распространения по территории Пермского края названий человека со сверхъестественными свойствами, включающих изученные корни, можно увидеть на сводной карте.

Карта 7. Наименования человека со сверхъестественными свойствами



Географические связи лексики колдовства, знахарства русских мифологических текстов Пермского края рассмотрены в разделе 6.4 на примере распространенности структурно-семантических моделей, обозначающих способы оборотничества людей со сверхъестественными свойствами, а также на примере лексики, называющей этнических чужаков как возможных носителей магических знаний и умений.

Ученые указывают, что лексика, описывающая действия, связанные с превращениями, раскрывает основные приемы оборотничества: кувыркание через голову, перепрыгивание или переход через некоторую преграду, вращение вокруг себя самого либо вокруг какого-нибудь предмета, падение или удар о землю и т. п.

Изучив имеющиеся русские мифологические тексты и примеры из других славянских традиций, можно утверждать, что приемы оборотничества и лексические единицы, их обозначающие, имеют диалектное варьирование.

Семантика оборотничества в русских мифологических текстах может передаваться с помощью разных мотивов, лексические единицы, отражающие некоторые из них, имеют повсеместное распространение, другие формируют ареалы. В мифологических текстах Русского Севера, Предуралья, Среднего Урала, Нижегородского Поволжья оборотничество вербально выражается через мотивы: **кругового движения** (кувыркания, вращения вокруг себя), что отражается в лексических единицах, содержащих рефлекс праславянского корня *vert ((в)орот-, (в)ращ-, (в)ёрт-), входящих как в литературный язык (*оборотень*), так и в диалекты (*обверень, обворотень, оборонник, оборот, овёртыш, обертыш, обертень, обертун, перевёртух*); **перемещения** персонажа в пространстве, что обычно соответствует его облику: *лететь (вороном), бегать (волком)* и т. п.; **переодевания** персонажа: надевания на него личины того существа, чей облик он принимает: *сржаться (собакой), одеваться (медведицей)*.

Единицы, выражающие мотив кувыркания, вращения, в диссертации не рассмотрены, поскольку они распространены повсеместно; а сочетания, реализующие второй и третий мотивы, интересны с ареальной точки зрения. Сравнив тексты и единицы разных регионов, можно увидеть общность моделей, но разницу образов оборотничества людей: на европейском севере представлены орнитоморфные превращения (в ворона и сороку), наиболее частотный облик из животного ряда – медвежий или волчий, реже – облик лошади. В Нижегородском Поволжье и на юге России представлен другой образный ряд. Пересечениями с северной традицией можно считать образ сороки и образ лошади; в этих регионах практически нет медвежьих и волчьих (кроме Нижегородской области) обличей, наиболее частотным является облик свиньи, часто упоминаются другие животные, связанные с человеком: овца, коза, корова, кошка, собака и др.

Кроме того, заметна разница и в использовании корней, от которых образуются глаголы с семантикой переодевания. Эти отличия связаны с обозначением действий разных персонажей. Корень *ряд-/ряж-* явно тяготеет к тем территориям, на которых распространены рассказы об оборотничестве ведьм (юго-запад Пермского края, некоторые районы Свердловской области, Нижегородское Поволжье, юг России), корень *(о)де-* – к тем регионам, где бытуют рассказы об оборотничестве колдуна/колдуньи (Русский Север).

Особенно ярко региональная специфика проявляется в группе лексических единиц, называющих этнических чужаков как возможных носителей сакрального знания. В зависимости от места проживания русских это могут быть разные соседствующие с ними народы: *ненцы, лопари, самодины* – для русских Республики Коми; *коми-пермяки, удмурты, татары* для русских Пермского края; *татары* – для русских Нижегородского Поволжья; *корейцы, буряты* – для русских, населяющих Восточную Сибирь. Универсальным этническим чужаком на территории России (и Славии в целом, как показывают материалы словаря «Славянские древности») выступает *цыган*.

В главе 7 «Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов: лексикографический аспект» описан разработанный диссертантом новаторский подход к решению многих проблем, касающихся лексикографирования языковых единиц данной идеографической сферы: охарактеризованы и обоснованы тип словаря, принципы отбора и подачи единиц, структурно-семантические свойства и номинативный статус единиц, модели толкования разных групп лексики, структура словаря и словарной статьи, подача иллюстративного материала и т.п.

В разделе 7.1 представлены макро- и микроструктура лингвистического «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами». Словарь составлен в соавторстве с А. В. Черных, К. Э. Шумовым, С. Ю. Королёвой, общий объем книги 71,3 п. л, доля участия автора диссертации – 58 п. л.

Источники материала для словаря – мифологические тексты из архивов научных центров Перми, фольклорно-этнографических сборников края, монографий, полевых архивов авторов-составителей; словарные статьи пермских диалектных словарей.

Состав словаря и принципы отбора единиц

В словарь включена вся имеющаяся в пермских мифологических текстах лексика, связанная с представлениями о людях со сверхъестественными свойствами: магических специалистах и других лицах, которых сознание представителей деревенского социума относит к категории опасных. Показателем принадлежности тех или иных единиц к идеографической сфере «Колдовство, знахарство» выступила универсальная культурная категория «свой – чужой». Единицы, называющие тех, кто выделяется на общем социальном фоне деревни (является представителем некрестьянской профессии, этническим, конфессиональным, «территориальным» чужаком, маргиналом и т. п.), тоже включены в корпус словаря, при их толковании учтены соответствующие особенности персонажей.

Отдельную группу в словаре составили единицы, называющие и описывающие разные виды нечистой силы, связанной с колдуном: нечистую силу в облике мифического животного, с которой человек вступает в контакт (обычно в бане в полночь), чтобы стать колдуном; нечистую силу, подвластную колдуну (духи-«помощники», духи-«агенты», «вселяющиеся» духи), с помощью которой он причиняет вред; нечистую силу, с которой *знается* колдун, т. е. получает от нее магические знания и помощь (в пермской мифологии это чаще леший).

В словарь входит также лексика, обозначающая признаки, действия персонажей; средства, результаты, место совершения и характер действий; лексика, связанная с объектами магического воздействия.

Тип словаря и принципы толкования единиц

Словарь является *лингвистическим этнодиалектным*, он строится *на сочетании лингвистического и энциклопедического толкования*. Наличие этнографических и энциклопедических сведений отличает многие традиционные диалектные словари в силу ориентации любого диалектного словаря на описание лексики народной культуры того или иного региона. Если же речь идет о специальном словаре, включающем термины традиционной народной культуры, он тем более не может обойтись без этнографической информации, которая отражается как в толкованиях, так и в развернутых иллюстративных материалах, которые демонстрируют содержание термина в контексте «магического» сюжета, характерного для местной традиции.

Определение «этнодиалектный» для словаря как типа издания не является устоявшимся. За последние 20 лет вышло несколько словарей, в названиях которых содержится слово «этнодиалектный», однако такие словари обычно представляют «алфавитный каталог» локальных типов традиционной культуры. В таких словарях компонентами описания выступают не лексемы, а реалии и акции.

Пермский словарь в то же время не является чисто энциклопедическим, потому что дефиниции в нем ориентированы на толкование лексики, а не на описание персонажа. Лингвистическая природа данного словаря проявляется в том, что: 1) в него включен по возможности весь корпус лексики, отражающей демонологические представления региона, связанные с колдовством, знахарством (и не только устоявшиеся единицы, но и такие обозначения, которые являются индивидуальными, но отражают устойчивые представления о людях со сверхъестественными свойствами, 2) в словаре используются в основном лингвистические толкования объяснительного типа, 3) в толковой части показаны различные системные отношения, существующие в рамках изучаемой групп лексики: многозначность и омонимия; синтагматические отношения единиц (через различные сочетания); в идеографическом указателе продемонстрированы парадигматические связи.

Данный словарь относится к категории *дифференциальных* в том смысле, что в него входит не вся лексика мифологических текстов, а только та, что отражает сведения о мифологических персонажах, их характеристиках, функциях, атрибутах и т. п., т. е. «культурно нагруженные» единицы. Однако этот словарь не относится и к группе чисто диалектных, так как он включает и общеупотребительные слова (*вошебник, знахарь, колдун, лекарь* и под.), встречающиеся в пермских мифологических текстах. Такие единицы или относятся к группе общерусских культурных терминов, или развивают в контексте мифологических рассказов другие, «магические» значения: например, *бабушка, дед, старик* не просто пожилые люди, они могут осмысляться как носители сверхъестественных знаний. Таким образом, указанные слова получают «магическую» сему и поэтому включаются в словарь.

Структура словаря и способы подачи единиц

По способу подачи материала словарь является *толково-идеографическим*. Он имеет три раздела: толковую часть, идеографический указатель, алфавитный список всех толкуемых единиц с указанием страниц, на которых они расположены.

В толковой части словаря принцип расположения единиц алфавитный со слабым гнездованием. Фонетические, акцентологические и словообразовательные варианты подаются в одной статье.

В том случае, когда в заголовочную зону словарной статьи попадает сразу несколько однокоренных единиц, способ их подачи следующий: первым в списке ставится бесприставочное слово, все приставочные располагаются за ним по алфавиту: **ДАВАТЬ, ДАТЬ, ОТДАВАТЬ, ОТДАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ, ПЕРЕДАТЬ, ПОДАТЬ, СДАВАТЬ, СДАТЬ** [ЭСМРПК 1: 174].

Если в группе нет бесприставочных единиц, то они подаются на первое по алфавиту слово: **ИСХИТИТЬ, ПОХИТИТЬ, СХИТИТЬ** [там же: 287].

Если в таком гнезде собраны единицы, имеющие разные значения, тогда каждая единица (или группа единиц) подается под заголовочной группой слов курсивом прописными буквами. Затем следует толкование данной единицы (группы единиц). В отдельных частях словарной статьи подаются глаголы совершенного и несовершенного вида.

ЕСТЬ, ИЗЪЕДАТЬ, ИЗЪЕСТЬ, ОТЪЕСТЬ, ПОДЪЕДАТЬ, ПОДЪЕСТЬ, СЪЕДАТЬ, СЪЕСТЬ.

ЕСТЬ, ИЗЪЕДАТЬ, ПОДЪЕДАТЬ, СЪЕДАТЬ. Колдовством вызывать болезнь, обычно приводящую к смерти.

ИЗЪЕСТЬ, ПОДЪЕСТЬ, СЪЕСТЬ. Колдовством вызвать болезнь, обычно приводящую к смерти.

ОТЪЕСТЬ. Привести к болезни или нарушению функций органа, части тела (о действии «беса» – духа болезни) [там же: 210].

Словарь включает значительное число словосочетаний. Небольшая часть из них вошла в корпус словаря на правах заголовочных. Это номинативные сочетания, обозначающие магические средства (названия растений: *воробьиное семя, сердцевой корень, царёв волос*, камней: *грозовая стрела, громовой камень, чёртов палец*) и некоторые действия злых духов, подвластных колдуну (*вить верёвки из песка, волочи ёлку вперёд вершинкой, перегревать зерно, пересчитывать листья*).

Большая группа сочетаний создана на основе именного или глагольного компонента, входящего в корпус словаря на правах заголовочного слова. Обычно сочетание подается при существительном, называющем человека, магический предмет, злого духа, болезнь и т. п. Все сочетания в словаре тоже толкуются, в контексте выделяются полужирным шрифтом:

ВЗГЛЯД. Направленность взгляда как сила, способная причинить вред, вызвать болезнь (о способности колдуна / того, кто может сглазить). *Это Леонтьевна одними словами или **взглядом** может испортить человека* (Акчим Краснов.).

/ В соч. с прил. То же. *В нашей деревне старик один жил, Иваном звали. Дак его боялись все деревенские-то. **Взгляд** у него **недобрый**: на кого посмотрит, у того рука отыметя или чирей соскочит* (Пантюха Част.). ***Взгляд плохой** у человека бывает. Взглянула – ли-ко сколько свинья дак всех поросят придавила!* (Вильва Сол.) [ЭСМРПК 1: 93–94].

ПОВЕТРИЕ, ПОВЕТРИЩЕ. 1. Болезнь, вызванная при помощи магических действий (обычно заговоров), осуществленных колдуном вне помещения, на ветру. *По ветру сделают, и это **поветрие** только бабки снять могут* (Кузино Бер.). *У колдунов*

такое зло, надо им кого-то покалечить, они могут по ветру пускать, **поветрище** такое (Орел Усол.).

/ В соч. с глаг. 1) Вызвать болезнь таким способом. [Откуда она взяла эту «икотку»?] *А не знаю. Говорят, что её можно поймать как-то, передаётся она. Вот, например, кто-то умер и раз – послал поветрие как будто бы, и икотка у тебя поселилась* (У.-Зула Юрл.). *А это тоже я слыхала, поветришишэ. Чё-то, какое-то поветришишэ пустят там... Вот бывает такое, что не можешь руку, или вот так как-то тебя сведёт, так ходишь. Это, грит, тебе поветрише пустили... или привязали к оглобле* (Юм Юрл.). 2) Магическими средствами излечить болезнь, вызванную таким способом. *По ветру сделают, и это поветрие только бабки снять могут* (Кузино Бер.) [ЭСМРПК 1: 508].

Структура словарной статьи

Словарная статья состоит из 1) заголовочной единицы, 2) грамматических помет (факультативно), 3) толкования, 4) иллюстраций, 5) географических помет.

Заголовочные единицы подаются в орфографической записи заглавными буквами. Поскольку большая часть из них относится к общерусскому лексическому фонду, трудностей с их подачей не возникало. Ударный гласный в них обозначается строчной буквой: **ВЕДЬМНИЧАТЬ, ВЕДЬМОВАТЬ**. При полисемантических словах значения в статье подаются под номерами (1, 2, 3 и т. д.). Оттенки значения подаются после знака «//»; сочетания вводятся в конце статьи после знака «/». В силу большого объема словарных статей оттенки значений и толкования словосочетаний приводятся с красной строки. Таким образом, они хорошо заметны в структуре словаря.

Грамматические пометы (указание на мн. ч.) приводятся в двух случаях. Во-первых, если нужно развести две стадии «существования» злых духов, связанных с колдуном: духов-«помощников» и духов болезни. В первом случае главным признаком духов является множественность. Во втором случае дух обычно описывается как одно существо. В мифологических текстах эти характеристики персонажей выражаются и грамматически: единицы, обозначающие «помощников» колдуна, обычно имеют форму множественного числа, а единицы, обозначающие духов болезней, – форму единственного числа. Эта грамматическая особенность единиц отражена в словаре: **ЛЯГУША, ЛЯГУШКА, ЛЯГУШЬНОК**. 2. Обычно мн. **ЛЯГУШИ, ЛЯГУШКИ**. Облик названных животных, который могут принимать «бесы» – духи-помощники колдуна. 4. Облик названного животного, который может принимать «бес» – дух болезни [там же: 382–386]. Во-вторых, грамматическая помета приводится в случае транспозиции: указывается часть речи заголовочного слова: **УРОЧНИК, УРОШЛИВЫЙ**, сущ. Человек, способный причинить вред, вызвать болезнь взглядом, похвалой, колдовскими действиями [там же: 678].

Лексические единицы толкуются в словаре посредством развернутого определения. Отсылочные и свернутые толкования не используются. В редких случаях в дефинициях для экономии места присутствуют истолкованные в словаре единицы. Эти единицы в таком случае берутся в кавычки: **НИКЕША**. Названное мужское собственное имя «беса» – духа болезни, сообщаемое им во время приступов «икоты» [там же: 448].

Иллюстративный материал представляет собой отрывки из мифологических текстов, поданные в упрощенной орфографии, которая отражает фонетические

особенности русских говоров Пермского края. Порядок подачи иллюстраций географический: сначала приведены материалы северных районов края, затем центральных и южных. Такой принцип обусловлен связью мифологической традиции региона и отражающих ее лексических единиц с историей освоения края русскими, их контактами с иноэтничным населением. После каждой иллюстрации приводится название населенного пункта и района записи.

Для словаря были разработаны модели словарного описания нескольких тематических подгрупп лексики колдовства, знахарства, наиболее крупными из которых являются названия субъектов (людей со сверхъестественными свойствами и демонов, связанных с ними), объектов магического воздействия, признаков, различных типов действий субъектов и объектов, способов, средств, результатов магического воздействия.

Приведем пример словарной статьи, в которой представлены многозначные единицы.

ВРАГ, ВРАГА. 1. *Нечистая сила, с которой колдун вступает в контакт и получает от нее магические знания и умения.*

/ В соч. с глаг. Находясь в контакте с такой нечистой силой, обладать полученными от нее магическими знаниями, умениями и применять их; получать от нее магическую помощь (о колдуне). [А колдуны в церковь ходят?] Нет, боятся церкви. **Со врагом знаются.** Друг другу слова по наследству передают. Умереть не могут, пока не передадут (Чёрмоз Ильин.).

2. Обычно мн. **ВРАГИ.** *«Бесы» – духи-помощники колдуна.* Колдун один был... Шёл мимо, увидел меня, остановился и смотрит. Что-то нашёптывал. И посадил в меня порчу на сорок один год. И вот сказали мне, что старуха приехала из Кривого Рога гостить, так она меня и вылечит. Так она мне сказала, что это во мне морской рак в раковине сидит. У него, говорит, ноги выставились [информант показывает треть пальца]. Он-то и ползал во мне ночью, когда я лягу. Бегат по мне и кричит разными голосами: может тонко, может толсто. Баба напоила меня чем-то, а рака, сказала, искрошила. А он ведь твёрдый, и как смогла? Я только потом поняла, что она **врагов** призывала, они-то и помогли искрошить рака. Меня рвало четыре часа. Это из меня болезнь-то и вышла (Лужково Очер.).

/ В соч. с глаг. 1) Имея в услужении таких духов, обладать полученными от них магическими знаниями, умениями и применять их (о колдуне). Отец-то мой с **врагами** **знался**, да не доучился, вот и полоумным стал (Драневка Караг.). Колдун-то сильный, он с **врагами** **знается** (Лужково Очер.).

// *«Бес» – дух-агент.* А мы-то запнёмся да: «Будь ты проклят ты!» А тут от **врага**-то тьма, в нас и залетит. А опять говорим, что испортили (У.-Уролка Черд.).

/ В соч. с глаг. Вселить в человека такого духа, чтобы вызвать у него «икоту» или другую болезнь (о действии колдуна). А у меня крёстная была, двадцать девять лет ей в ту пору было. Испортили её, **посадили врага**. Ну, враг-от на меня и матерился, а не крёстная. **Засадят** его внутрь, он оттуда и выговаривает (Чёрмоз Ильин.). Раньше люди были – **врага** могли **посадить**, порчу. Она в человеке и говорит, ничем не выведешь (Ст. Пашня Караг.).

// *«Бес» – дух болезни.* Вот **враг** какой-то ломат, голова с плеч валится... Котора умеет портить, посадит порчу в голову (Акчим Краснов.). В горло пойдёт она, икота-то,

враг-от, там посажено. У меня у мамы было. Она мне раз говорит: «Шурка, ты сѣдня хоть не ходи на работу-то». А чѣ, я чѣ-то вышла, ушла. А пришла, мама уже без языка, язык уже нету. И вот я залезла, раньше голбчики были, печка вот так. Я к ей залезла, на голбчике-то она лежит, так вот мне пальчик взяла, так подавила – подавила и так непонятно мне сказала: «Враг-от, враг-от полез», – уже языка-то не видно. Ну, там какой-то колдун был, он ей посадил, как лягуша, что ли (Усол.). Он (т. е. колдун) в меня на сорок годов посадил порчу, сорок годов **враг** был. Поехала в Омутинск, в Удмуртию. Мне сказали, что баба вылечит там. А та баба-то сказала, что надо святой воды принести. Она напоила меня – мне плохо стало. Она давить меня стала. Раздавила она {врага} в кашицу. Меня рвало четыре часа. «Вот из тебя болезнь-то и вышла» (Лужково Очѣр.).

3. Бран. *О колдуне*. А вот жил у нас **враг**. Говорят, знался с окоянным. Идѣт по лесу с женой, она за его пояс держится, он свистит – лес шатается (Лимеж Черд.). Тут навалом, как выразиться, колдуны, портят людей. Вот эту у меня Веру {«испортили»}, она умерла. Как только встречу попадѣт, придѣт домой – вся не может, всю еѣ ломает, всё болит. Я ни одной молитвы не знаю. Просто сделаю, брызну – ей легче. Ну, **враги** {«испортили»} (Вильва Сол.). [Говорят, есть такие злые люди, порчу на скотину наводят?] Да, есть злые люди. [А как их называют?] По-русски **враги**. Могут вымя корове испортить. Будет как ведро, а не подоишь (Юсьва) [ЭСМРПК 1:116–117].

В **заключении** сделано теоретическое обобщение результатов исследования, указаны его перспективы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в публикациях.

Статьи в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Русинова И.И. Магическая лексика Пермского края в лексикографическом аспекте // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. С. 506–510 (0,35 п. л.).

2. Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 18–25 (0,8 п. л.).

3. Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). 2010. С. 13–17 (0,5 п. л.).

4. Русинова И.И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (14). 2011. С. 15–23 (0,75 п. л.).

5. Русинова И.И. Отражение представлений о колдовстве и знахарстве пермскими диалектными словарями // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4 (16). 2011. С. 40–52 (1,1 п. л.).

6. Русинова И.И. Представления о «киле» в зеркале пермской лексики и фразеологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (18). 2012. С. 43–51 (0,8 п. л.).

7. Русинова И.И. Мифологические и магические представления жителей Пермского края в зеркале лексики и фразеологии (на материале лексики памятников письменности XVI–XVIII вв. и мифологических рассказов XX–XXI вв.). Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (19). 2012. С. 7–13 (в соавторстве: Полякова Е.Н.; доля участия – 0,4 п. л.).

8. Русинова И.И. Проблема лексикографического описания лексических и фразеологических единиц семантической сферы «Народная магия» (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4 (20). 2012. С. 15–21 (0,8 п. л.).

9. Русинова И.И. Мотивационная модель *колдовать* ← *хитрить*, *колдун* ← *хитрый* человек в русских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (22). 2013. С. 25–30 (0,6 п. л.).

10. Русинова И.И. Восприятие «чужого» и «профессионала» как колдуна, знахаря (по данным «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (23). 2013. С. 28–36 (0,9 п. л.).

11. Русинова И.И. Мотивационный анализ названий «вселяющихся» духов (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (21). 2013. С. 18–27 (1 п. л.).

12. Русинова И.И. Кто такие *бусеньки* и *кулешата*? // Севернорусские говоры. Вып. 13: межвуз. сб. / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 229–241 (0,65 п. л.).

13. Русинова И.И. Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, вып. 1. С. 132–135 (0,4 п. л.).

14. Русинова И.И. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016, № 2 (62). С. 62–79 (В соавторстве: Черных А.В., Шкураток Ю.А.; доля участия – 0,5 п. л.).

15. Русинова И.И. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. №12–2 (66). С. 160–162 (В соавторстве: Гранова М.А.; доля участия – 0,15 п. л.).

16. Русинова И.И. Дикорастущие травы в ритуальной традиции Пермского края // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII, Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / Сост. В.Б. Колосова; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. С. 164–187 (В соавторстве: Боброва М.В., Черных А.В.; доля участия – 0,4 п. л.).

17. Русинова И.И. Мотивы передачи / получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 59–69 (В соавторстве: Шкураток Ю.А.; доля участия – 0,5 п. л.).

18. Русинова И.И. К вопросу о лексикографическом описании названий людей со сверхъестественными свойствами (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Традиционная культура. 2018. № 5. Спецвыпуск. С. 84–96 (1 п. л.).

19. Русинова И.И. Названия магического знания (на материале мифологических текстов Пермского края) // Севернорусские говоры. Вып. 18. 2019. С. 298–317 (0,9 п. л.).

20. Русинова И. И. «Грозовые» и «громовые» камни в традиционной культуре Пермского края: семантика и использование в магических практиках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 24–32 (0,9 п. л.).

21. Русинова И.И. Демонимы в русских мифологических текстах Пермского края // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 83–103 (В соавторстве: Боброва М.В.; доля участия – 0,5 п. л.).

22. Русинова И.И. Мотивационная модель *смеяться* → *колдовать* (на материале русских мифологических текстов) // Севернорусские говоры. Вып. 20. 2021. С. 37–63 (1,1 п. л.).

Монографии, словари

23. Русинова И.И. Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном, в мифологической традиции Пермского края // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии: коллективная монография. / Под общ. ред. И. И. Русиновой. Пермь: изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2014. С. 247–281 (В соавторстве: Боброва М.В., Жидких М.Г., Зверева Ю.В., Пантелеева Л.М., Подюков И.А., Полякова Е.Н., Чугаев Н.В., Шкураток Ю.А.; доля участия – 1,7 п. л.).

24. Русинова И.И. Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва; отв. ред. И.И. Русинова. СПб.: Изд-во «Маматов», 2019. 832 с. (Доля участия – 58 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

25. Русинова И.И. Проблема семантизации глагольных формул быличек для носителей русской традиционной и современной культуры // Проблемы межкультурной коммуникации: межвуз. Сб. науч. тр. Пермь, 1999. С. 189–193 (0,2 п. л.).

26. Русинова И.И. Глаголы магического действия в говорах севера Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2001. С. 154–159 (0,3 п. л.).

27. Русинова И.И. Отражение магических представлений о болезни в северных говорах Пермской области // Проблемы социо- и психолонгвистики: сб. ст. / Отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 81–84 (0,2 п. л.).

28. Русинова И.И. Магическая лексика в картотеке «Словаря чердынских говоров» // Национально-культурная специфика текста: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. С. Двинянинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. С. 71–82 (0,5 п. л.).

29. Русинова И.И. Проблемы подачи обрядовой лексики в региональном диалектном словаре // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. В. Судаков. Ч. 2. Вологда, 2008. С. 171–176 (0,3 п. л.).

30. Русинова И.И. Магическая лексика в северных говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Филология. 2008. С. 77–87 (0,9 п. л.).

31. Русинова И.И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2009. С. 25–32 (0,7 п. л.).

32. Русинова И.И. Магическая лексика в русских говорах Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [под ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 241–242 (0,15 п. л.).

33. Русинова И.И. Явление «номинативной конденсации» в сфере процессуальной магической лексики Пермского края // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / Ред. Е. Н. Полякова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Вып. 1. 2009. С. 39–48 (0,45 п. л.).

34. Русинова И.И. Лексико-семантическое поле «Болезнь, причиненная магическим способом» (по данным пермских говоров) // Rossica Olomucensia XXIII. Sbornik prispevku z mezinarnodni conference XX/ Olomoucke dny rusistu – 02–04.09.2009. Olomouc, 2009. С. 163–166 (0,2 п. л.).

35. Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / Отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 193–201 (0,45 п. л.).

36. Русинова И.И. Об амбивалентности семантики магической лексики (на примере названий колдуна, знахаря в русских говорах) // Лингвокультурное пространство Пермского края / Ред. Е.Н. Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. Вып. 2. С. 64–81 (0,75 п. л.).

37. Русинова И.И. Цветовой портрет духов-помощников колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Умозрение в красках: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. («Строгановские чтения» – IV, «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» – VIII) 5–7 ноября 2010. – часть 1 / научные редакторы – И.А. Подюков (разделы I, II), Н.С. Бочкарёва (раздел III); Усолье: МУК Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2011. С. 10–13 (0,4 п. л.).

38. Русинова И.И. «Икота» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / Ред. Е. Н. Полякова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. Вып. 3. С. 113–122 (0,6 п. л.).

39. Русинова И.И. Вербализация представлений об «икоте» носителями пермских говоров // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г., Ч. 2. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 85–87 (0,15 п. л.).

40. Русинова И.И. Образы-воплощения «вселяющихся» духов в мифологических рассказах Пермского края // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч.

конф., Пермь, 6 апреля 2012 г. / Отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. С. 193–198 (0,3 п. л.).

41. Русинова И.И. О «Словаре демонологической лексики Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Отв. ред. А. С. Герд. Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 475–489 (0,6 п. л.).

42. Русинова И.И. Мотивационный анализ названий духов – помощников колдуна (по материалам говоров и мифологических рассказов Русского Севера) // Язык и культура Русского севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. Т. В. Симашко. Архангельск, 2013. С. 291–299 (0,35 п. л.).

43. Русинова И.И. Семантическая классификация глагольных единиц со значением ‘вызывать болезнь колдовством’ (по материалам «Словаря демонологической лексики Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами») // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2013: Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 149–164 (В соавторстве: Нечаева Л.С.; доля участия – 0,35 п. л.).

44. Русинова И.И. Семантический перенос *обманывать* → *колдовать* (на примере слов с корнями *-мухл-/-махл-/-мох-*, функционирующих в пермских говорах) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат. Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / Отв. ред. Н. В. Соловьева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 180–186 (В соавторстве: Полякова Е.Н.; доля участия – 0,18 п. л.).

45. Русинова И.И. Пермские названия злых духов – помощников колдуна на севернорусском языковом фоне // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции, 2014. № 9. С. 124–128 (0,3 п. л.).

46. Русинова И.И. Злые духи, связанные с колдуном, в мифологической традиции Пермского края // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат. Всерос. науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / Отв. ред. Н. В. Соловьева, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 266–271 (0,25 п. л.).

47. Русинова И.И. Восприятие «профессионала» как колдуна, знахаря (по данным пермских говоров) // Региональное речевое пространство в синхронии и диахронии: мат. Всерос. науч. конф. 13–14 декабря 2013 г. / Ред. Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова. Соликамск: СГПИ (филиал) ПГНИУ, 2014. С. 40–47 (В соавторстве: Гранова М.А.; доля участия – 0,2 п. л.).

48. Русинова И.И. Названия колдуна на карте Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат. III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / [отв. ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 228–230 (0,15 п. л.).

49. Русинова И.И. Образ нечистой силы, участвующей в обряде инициации колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Демонология как семиотическая система. Тез. докл. IV междунар. науч. конф. Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / Сост. и ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М., 2016. С. 118–120 (В соавторстве: Боброва М.В., Черных А.В.; доля участия – 0,06 п. л.).

50. Русинова И.И. Мифологические значения слов *икота*, *икотка* (по данным говоров Юрлинского района Пермского края) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат. V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 10 апр. 2017 г.) / Отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 270–275 (В соавторстве: Шкураток Ю.А.; доля участия – 0,22 п. л.).

51. Русинова И.И. К вопросу о принципах подачи в электронном словаре неоднословных единиц, называющих мифологических персонажей // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: мат. Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Отв. ред. С. И. Корниенко; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 1. С. 80–83 (В соавторстве: Гранова М.А.; доля участия – 0,1 п. л.).

52. Русинова И.И. Функционирование демононимов в мифологических текстах о людях со сверхъестественными свойствами (по данным Пермского края) // Демонология как семиотическая система. Мат. V междунар. науч. конф. Москва, РГГУ, 24–26 мая 2018 г. / Сост. и ред.

О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов. М., 2018. С. 23–28 (В соавторстве: Боброва М.В.; доля участия – 0,16 п. л.).

53. Русинова И.И. Синтаксические модели устойчивых сочетаний с глаголом *знать* в русских мифологических текстах Пермского края // Филология в XXI веке. Вып. 2 (4). 2019. С. 65–71 (0,3 п. л.).

54. Русинова И.И. Ойкать, ахать и охать: семантика причинения магического вреда (по данным русских диалектных словарей и мифологических текстов) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т славяноведения РАН, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 289–291 (0,2 п. л.).

55. Русинова И.И. Материалы по коми-пермяцкой демонологии: монография / Авт.-сост.: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкуратов, А. С. Лобанова, С. Ю. Королёва, И. И. Русинова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 168 с. (доля участия – 3 п. л.).

56. Русинова И.И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура. 2020. Т. 21, №1. С. 136–148 (1 п. л.).

57. Русинова И.И. Звуковое поведение злых духов, связанных с колдуном (на материале лексики мифологических рассказов Пермского края) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 634–645 (0,6 п. л.).

58. Русинова И.И. Названия человека со сверхъестественными свойствами в русских говорах Пермского края: ареальный аспект // Актуальные проблемы русской диалектологии. Мат. Междунар. конф. 29–31 окт. 2021 г. / Отв. ред. О. Е. Кармакова. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С. 186–188 (0,2 п. л.).

59. Русинова И.И. Камни в народной магии и медицине русских Пермского края: виды, названия, способы и правила использования // Традиционная культура. 2021. Т. 22, № 4. С. 27–39 (0,85 п. л.).

60. Русинова И.И. Демонимы в этнодиалектном «Словаре мифологических рассказов Пермского края» // Лексикография цифровой эпохи: сб. мат. Междунар. симпозиума (24–25 сентября 2021 г.) / Отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 223–226 (0,2 п. л.).